

КАНЦЕЛЯРСКАЯ КРЫСА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Том 3

ПРАВО НА ТРОН

ПЁТР ЛЕВИН

18+

Пётр Левин

Канцелярская Крыса Его

Императорского Величества.

Том 3. Право на трон

<https://litres.ru/74500448>

SelfPub; 2026

Аннотация

Звать меня Курт де Гри. Хотя вообще-то я Иван Винторогов, московский адвокат, застрявший в чужом теле и работающий Особым ревизором Императора. Чтобы вернуться домой, мне нужно законно отправить на эшафот сто аристократов и самого Императора Августа. С первыми я потихоньку разбираюсь. А Император внезапно заговорил со мной по-русски.

Дальше всё покатилося к чёрту. В столице начинается дело, которое лезет в самые основы Империи, воздушный маг Василис полез куда не просили, Бьянка вспоминает о роде Аурелис и драконах, а гном Черк всё ещё пытается разобраться с собственным братом-предателем Триком.

И чем глубже я копаю, тем чаще возникает один неприятный вопрос. Если Курт де Гри — это не я, могу ли я жить его жизнью? Ну ничего. Разберёмся. Я ведь всё-таки юрист.

Забыл сказать про вампира по имени Дракул. Как же бе его чёрнейшего юмора! Ха-ха. Ждите, и он появится вскорости!

Содержание

Глава 1. Русский Император	5
Глава 2. Вакантное кресло	22
Глава 3. Убийство приказом	40
Глава 4. Подсудимый эксперт	54
Глава 5. Невеста прокурора	69
Глава 6. Двадцать лет назад	92
Глава 7. Мёртвый советник	106
Глава 8. Право на имя	124
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Пётр Левин

Канцелярская Крыса

Его Императорского

Величества. Том

3. Право на трон

Глава 1. Русский Император

— Теперь давайте поговорим о том, почему по условиям вашего договора вы должны законно отправить меня на эшафот.

Август произнёс это по-русски совершенно спокойно. Я стоял возле стола императора и был одновременно и шокирован, и обрадован. Ну как же! Император говорит по-русски, значит, не одного меня нелёгкая занесла с Земли в эту чёртову Империю с магами, драконами, красивыми девушками, которые любят ходить в лёгких платьях и светить свои прелестные лодыжки...

Август посмотрел в окно. Там шёл дождь, которого почти не было слышно из-за того, что Император включил какую-то то ли магическую, то ли механическую защиту. Кап-

ли стекали по высоким стёклам, за которыми то ли феи то ли светлячки освещали дворцовый сад. Серое небо, мокрые черепичные крыши, скучающая охрана возле ворот. Если не смотреть на башни и не вспоминать, что по воздуху иногда летают драконы, вид почти центропитерский.

Я потёр лоб. Начинала болеть голова. Или от дара после сегодняшнего дня, или от Августа. Скорее второе. Дар хотя бы показывал нарушения и не строил из себя самого умного человека в Империи.

Вопросов накопилось столько, что если вывалить все сразу, можно было просто открыть отдельное производство и назначить Августа подозреваемым. Его настоящее имя, знаком ли Партнёром-Дьяволом, знает ли про мой договор, где находится настоящий Курт, откуда знает русский язык, как он двести лет просуществовал в чужом теле и не постарел? И где-то посередине ещё мелочь: почему человек, которого мне однажды надо законно казнить, знает об моей миссии до того, как я успел предъявить ему хоть одно обвинение?

Август спокойно вернулся к столу, налил проклятый чай и показал на кресло. Да, я теперь проклинал не только ромашковый чай, но и все чаи в Империи, потому что невыносимо хотел кофе, желание было такое, что я готов был заорать как бешеный бык.

— Сядьте, Иван Сергеевич. Если вы собираетесь просто-вать весь разговор, к концу начнёте уставать и принимать решения ещё хуже обычного.

— Вы много знаете о моих обычных решениях, — проговорил я с выдержкой, хотя внутри всё клокотало.

— Достаточно. Вот сейчас, например, вы хотите кофе. И злитесь на себя и почему-то меня. Да, я пью чай. Но позвольте, где я вам достану кофе?

— Кросс где-то достал!

— Кросс много чего мог достать. Возможно, это была залежалая пачка, которой лет двести. Вы же знаете, что кофе растворимый кофе храниться неограниченное количество времени?

— Клянусь, это был натуральный кофе! Уж я-то разбираюсь в этом напитке! Да и разве двести лет назад был растворимый кофе?

— Хм. Ну раз вы решили обсудить со мной кофе, извольте. Во-первый, не каждый отличит растворимый кофе от нерастворимого, особенно если в кофе добавили молоко и сахар. Во-вторых, кто вам сказал, что кофе был доставлен с Земли? Миров много... Очень много, Иван Сергеевич.

— Не называйте меня так, уважаемый... Император.

— А как мне вас называть? Давайте не будем играть в игры. Вы садитесь, садитесь. В ногах правды нет.

Я всё-таки сел. Бежать из императорского кабинета в любом случае было глупой затеей. До двери метров пять, она заперта на хитрый замок, за ней охрана, и половина столичного гарнизона. Если Август решит меня убить, вставать из кресла ради приличия смысла нет, пусть убивает сидящего.

— Начнём с простого, — сказал я. — Откуда вы знаете моё имя и что погибну в автоаварии?

Август крутанул чашку вокруг оси.

— Вы решили устроить мне допрос, Императору? Что же, будет забавно. Извольте. Я знаю ваше имя из материалов, которые появились задолго до вашего прихода сюда. Именно поэтому ваше появление не стало для меня неожиданностью. Я знал, что однажды в теле Курта де Гри окажется человек из другого мира. Имя тоже было указано. Иван Сергеевич Винторогов.

Вот так. Я готовился вытаскивать сведения клещами, ловить на оговорках, а он взял и выложил половину сам.

— Что за материалы? Какие-то магические регистры?

— Пока оставляю их у себя и разглашать не стану. Вы и без того добрались дальше, чем я рассчитывал.

— А про сорок два года тоже там написано?

Август улыбнулся.

— Возраст указан. Причину смерти вы только что выдали сами.

— Про бревно?

— Теперь знаю и про бревно.

Сволочь. На Земле у меня был знакомый следователь с похожей манерой. Толстый, с лицом доброго дедушки. Посадит клиента напротив, нальёт чай, даст печенье, а между делом спросит, куда тот выбросил пистолет. Человек отвечает: «В Москву-реку». Я уважал того следователя. Редкая

был сволочь, умер на рыбалке.

Август напоминал его всё сильнее.

— Хорошо. С материалами пока проехали. Партнёра знаете, кто это вообще такой?

Император посмотрел на меня с прищуром

— Партнёр это Дьявол воплоти. Исполнитель контрактов. Я знаю, как работают существа его рода. Знаю, какие соглашения они предлагают и чего обычно хотят получить взамен. Конкретно ваш договор я не видел, поэтому подробности приходится восстанавливать по вашим действиям. Шесть душ уже переданы. После сотни — почему сотни, ну хорошее число, — судя по всему, потребуется ещё одна, особая. Здесь даже великого аналитического таланта не требуется, чтобы понять, кто именно.

Мне очень не понравилось выражение «существа его рода». Партнёр в моём личном списке проблем и так занимал почётное место. Теперь выяснялось, что где-то существует ещё и род таких красавцев. Не хотелось бы с ними столкнуться когда-нибудь. Одного, если честно, достаточно.

— Вы с ним встречались?

Август некоторое время молчал, потом отпил чай.

— Я сказал достаточно для этого разговора. Если начну рассказывать всё сразу, вы перестанете думать и начнёте просто бегать за ответами. А мне нужно, чтобы вы дошли до некоторых вещей самостоятельно. Мне выгодно, чтобы вы оставались полезным.

Я откинулся в кресле.

— Тогда хотя бы скажите, вы с Земли?

— С Земли, не с Земли. Вам это что даст? Скажем так, русский язык знаю потому, что когда-то пользовался им каждый день. Где именно жил, в каком году родился и чем занимался до переноса, сегодня обсуждать не будем.

Император очертил границу, а я решил пока не ломиться.

Передо мной сидел человек из моего мира или из мира, похожего на мой. Около двухсот лет назад его каким-то образом засунули в тело местного наследника, после чего этот человек стал Императором и успешно правил страной дольше, чем на Земле существовала половина государств.

— То есть ваше тело — чужое, — сказал я. — Хочу понять хотя бы основу. Настоящий Август был жив, когда вы в него попали?

Император отхлебнул чайку и медленно поставил чашку.

— Был. Я оказался здесь уже взрослым человеком, а тело принадлежало молодому наследнику. Процедуру готовили заранее. Её результат оказался совсем не таким, каким рассчитывали участники. Там всё сложно...

— Участники?

— Людей, и не только людей, было несколько. Некоторые давно мертвы. Некоторые, возможно, до сих пор считают, что всё прошло по плану. Сам я в начале понимал происходящее гораздо хуже, чем теперь. Тут такие сложности были, что мама не горюй. Императору выжить сложнее, чем

простому клерку в этой Империи, уж поверьте. Мне столько пришлось наvertеть, один Нулевой ранг чего стоит, если вы думаете, что я тут главный, то вы ошибаетесь. Номинально может и так. Но даже вы не выполнили мой приказ с отсрочкой казни и передачи документов. Тут такая система и такая политика наvertчена, что мама не горюй. Шаг влево, шаг вправо — и конец твоей власти.

— Интересно рассказываете. Прямо хочется вас пожать. Вам столько пришлось вынести, поедая пирожные. Кстати, душа Августа жива?

— С ней всё сложнее. Я не убивал его и не вытеснял намеренно. Куда именно она ушла после переноса, до сих пор знаю не до конца. За два века выяснил много, но полной картины у меня нет.

Я почесал подбородок. Сходство с моей историей становилось всё неприятнее. Только мне Партнёр хотя бы сообщил, что тело мёртвое. Насколько можно верить Партнёру после последних событий — отдельный вопрос.

— Партнёр участвовал? — спросил я.

Август чуть усмехнулся.

— Вот это как раз та часть, которую вы должны выяснить сами.

— Знаете, что забавно? Мне по договору надо добиться вашей законной казни, а вы сидите и фактически помогаете расследовать собственную биографию.

— Меня это устраивает. Иван Сергеевич, если бы я дей-

ствительно хотел сорвать ваш договор, вы бы сейчас занимались хозяйством де Гри и спорили с Казначейством о налогах Альберта. Я мог снять вас с должности, отобрать доступ к архивам, закрыть выезд из поместья и вернуть Черка в обычную канцелярию. Для этого даже убивать никого не требуется.

Я представил и стало страшно.

Август продолжил:

— Ваше расследование мне нужно. Я хочу, чтобы к моменту, когда вы решите вопрос с моей казнью, вы понимали, кого именно собираетесь казнить и за что. Возможно, после этого ваши планы изменятся. Возможно, мои. Пока не знаю. Всё не так просто.

— А если я всё равно дотащу вас до эшафота?

— Значит, у вас будут основания.

Он говорил о собственной смерти так спокойно, что я даже немного завидовал. Мне после встречи с бревном потребовалось гораздо больше времени, чтобы привыкнуть к мысли, что уже умер.

И тут я вспомнил главное.

— Где Курт?

Август перестал улыбаться.

— Его душа сохранена. После вывода из Нулевого ранга я перевёл её туда, где первоначальный слой Пустой короны уже не мог достать.

— Он в сознании?

— Да.

Я почувствовал, как начинаю злиться, и специально заставлял себя не вскакивать. В прошлой жизни я столько раз объяснял клиентам, что орать на следователя бесполезно, что было бы совсем стыдно самому начать.

— Вы с ним говорили?

— Несколько раз.

— Тогда расскажите нормально. Что он знает и чего хочет?

— Он помнит дуэль и собственную смерть. После этого воспоминания обрывочные. О Нулевом ранге знает меньше вас: большую часть времени его держали изолированно. Курт понимает, что тело продолжает жить с другой душой. О вас знает. Имя Иван Сергеевич ему тоже известно.

Мне стало совсем мерзко. Где-то сидит двадцатидвухлетний парень и знает, что какой-то московский мужик ходит его ногами, спит в его кровати, управляет его родом, обнимает его мать и целует приёмную сестру. Интересно, на каком месте списка вещей, за которые он хочет меня убить, находится Бьянка.

— И как он к этому относится?

— Плохо. При этом Курт понимает, что вы его не убивали. Альберт, вероятно, объяснил вам родовую часть. Ваше появление произошло после отделения души. Для Курта это имеет значение.

Я даже усмехнулся. Двум смертям не бывать, как говорит-

ся.

— Но тело он хочет обратно.

— Твою мать, — выругался я.

Вот и приехали. За последние месяцы я столько раз думал о возвращении Курта, что постепенно привык считать проблему теоретической. Когда-нибудь найдём душу, когда-нибудь разберёмся. А Курт, оказывается, всё это время сидел где-то и совершенно конкретно хотел вернуть собственное тело.

— Очень неудобно получилось, — сказал я. — Нам бы встретиться и поговорить...

— Сейчас я не знаю безопасного способа соединить две полноценные души с одним телом. Я видел неудачные переносы. В лучшем случае погибает одна личность. Иногда обе. Бывает хуже: память смешивается, части душ остаются в теле, и через несколько недель уже невозможно определить, кто из людей вообще выжил.

— Вы ищете способ?

— С момента, когда убедился, что его душа сохранилась отдельно.

— И ничего?

— Есть несколько вариантов. Ни один я пока не рискну проверять на живом человеке.

— Курт согласился оставаться у вас?

— На сохранение — да. Я объяснил риски. Он хотел вернуться сразу и некоторое время считал, что я просто удер-

живаю его ради собственных целей. После первого подробного разговора согласился ждать, пока появится вариант с приемлемым шансом для вас обоих.

— Письменно согласился?

Август посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— Иван Сергеевич, у души Курта отсутствуют руки.

Я хохотнул.

— Но мы же можем поговорить с ним? Раз вы смогли.

— Не думаю, что это будет уместно. Сегодняшняя встреча и без того перегружена. Вы узнали, что он сознателен, хочет своё тело обратно и знает о вас. Дайте себе хотя бы несколько часов, а лучше дней, прежде чем начинать разговор с человеком, которому принадлежит ваше лицо.

Я потёр виски.

— Допустим. Тогда у меня другой вопрос. Партнёр должен вернуть меня домой после выполнения договора. Что произойдёт с телом после моего ухода?

— Вот это вам нужно спросить у Партнёра очень внимательно. Предполагаю, что ваша душа покинет тело. Дальше всё зависит от того, что именно он обязался сделать и насколько буквально выполнит условия. Если возвращение Курта в соглашении отдельно не прописано, рассчитывать на добрую волю вашего Партнёра я бы не стал.

У меня закружилась голова: возвращение Курта в договоре действительно не прописано. Когда я заключал договор, Курта как отдельного человека в моей голове вообще не су-

ществовало. Было мёртвое тело, которое мне дали во временное пользование. Теперь оказалось, что имущество имеет владельца и владелец ждёт.

— Вы специально мне сейчас Курта подсовываете, чтобы я перестал заниматься вашей казнью?

Август улыбнулся.

— Если бы хотел остановить расследование, уже объяснил, как именно могу это сделать административно. Курт существовал независимо от вашего договора, и откладывать разговор о нём дальше я не вижу смысла.

— А что вы хотите от меня?

— Пока ничего. Продолжайте расследование, ищите ответы по Пустой короне, Партнёру и мне. Заодно подумайте, что лично для вас означает возвращение Курта. Когда будете готовы говорить с ним без желания немедленно кого-нибудь придушить, я устрою встречу.

Я хотел сказать, что готов хоть сейчас, но потом представил настоящего Курта перед собой — и передумал.

Мы некоторое время молчали. Мне хотелось продолжить раскапывать жизнь самого Августа: откуда именно он пришёл, кто проводил перенос, кем был настоящий наследник, кто ещё мог знать русский язык в этой чёртовой Империи.

Серебряная пластина на стене мигнула красным. Август сразу изменился в лице. Ещё один всполох.

— Что случилось?

— Срочный вызов дворцовой службы.

Император поднялся, приложил ладонь к пластине и снял звуковую защиту.

В кабинет вернулся шум дождя, шаги в коридоре и далёкий звон часов.

Почти сразу в дверь быстро постучали. Август открыл. На пороге стоял молодой офицер в серо-синем мундире, залитом дождём. Лицо белое, словно ему только что выдали счёт за чужую свадьбу.

— Ваше Величество, простите за нарушение режима личного кабинета.

— Что произошло?

Офицер посмотрел на меня. Август махнул рукой.

— Говорите при Особом ревизоре.

— Императорский прокурор Генрих тор Вальд найден мёртвым в служебном кабинете.

Август спросил, когда его нашли и кто вошёл первым. Офицер начал докладывать уже нормально, без отдельных обрывков. Дело было так. Дежурный секретарь пришёл с вечерними бумагами. Генрих дверь на настойчивый стук не открыл. Охранная печать показывала, что прокурор находится внутри. Позвали старшего караула и лекаря, после чего кабинет вскрыли. Дверь была заперта изнутри, окно тоже. Охранные линии оставались целыми. Видимых следов нападения лекарь не обнаружил.

Ну конечно! Высокопоставленный чиновник в Империи не способен просто умереть на улице возле кабака. Надо обя-

зательно закрыться в комнате, поставить магическую печать и загадочно скончаться так, чтобы следователь потом неделю ненавидел профессию.

— Тело после осмотра не трогали? — спросил я.

— Лекарь проверил признаки жизни и магический отклик. После этого кабинет снова опечатали. Документы оставили на местах.

Хоть кто-то здесь учится. Август посмотрел на меня.

— Теперь это ваше дело. Работайте.

Я уже дошёл до двери, но остановился.

Разговор с русским Императором никуда не делся.

— Мы продолжим.

— Разумеется.

— И Курта я увижу.

— Когда это можно будет сделать без глупостей с вашей стороны.

— Вы слишком высокого мнения о себе.

— Двести лет практики.

Я вышел и быстрым шагом пошёл по коридору, офицер почти бежал рядом, пытаясь держать темп. В голове перемешалось всё сразу: Август из моего мира, настоящий наследник, Партнёр, Курт, который находится в сознании и хочет своё тело обратно.

Теперь ещё мёртвый Генрих. Хороший вечер. На Земле в такие вечера я обычно наливал яка и коня и выключал телефон. Здесь кнопку выключения Империи почему-то никто

не предусмотрел.

До прокуратуры добрались минут за пятнадцать.

Проклятый дождь усилился. За окнами кареты тянулись мокрые улицы, фонари и редкие прохожие. Офицер сидел напротив молча, и я был ему за это благодарен. У здания прокуратуры стояла дополнительная стража. А внутри царила та особая тишина, которая бывает только после смерти большого начальника. Люди шепчутся, ходят осторожно и уже мысленно прикидывают, кто теперь подпишет бумаги, лежащие у них на столе.

Для человека смерть — трагедия. Для государственного учреждения ещё и проблема с документооборотом. Нас провели на третий этаж. Возле кабинета Генриха стояли двое караульных. На двери висела новая печать, а под ней шла старая охранная линия — тонкая серебряная нить вокруг косяка.

Я присел и посмотрел: линия целая. Такие печати видел во дворце: при попытке открыть дверь без допуска серебро должно изменить цвет или оборваться. Сигнализация на имперский манер.

— Кто накладывал повторную печать?

Офицер назвал дежурного.

— Потом с ним поговорю.

Я показал знак Особого ревизора. Новую печать сняли.

Кабинет оказался неожиданно небольшим. Большой рабочий стол, два шкафа, диван, камин, карта Империи. Окно

действительно закрыто, за стеклом течёт дождь.

Генрих сидел в кресле возле стола. Голова немного откинута, глаза закрыты, руки лежат на подлокотниках. Если бы лицо не стало серым, можно решить, что прокурор уснул после тяжёлого дня.

На столе лежал раскрытый ордер, рядом перо.

— Его положение никто не менял?

— Нет. Лекарь проверял прямо в кресле.

На груди Генриха висел служебный знак прокуратуры. Золотую пластину я видел много раз. Сейчас она почти почернела.

— Пластина такой была при вскрытии кабинета?

— Да.

Следов борьбы не обнаружилось. Одежда целая, лицо спокойное. Генрих сидел, писал очередной документ, а потом в какой-то момент просто перестал жить. Сам ордер оказался скучнейшим требованием передать прокуратуре финансовые книги Восточной палаты.

— Акт первичного осмотра составили?

Мне показали папку на краю стола.

Я надел тонкие кожаные перчатки и открыл. Сделано наспех, но толково. Время обнаружения, состояние двери и окон, положение тела, предварительное время смерти, подписи лекаря и начальника караула.

Положил ладонь на лист. Дар пришёл сразу.

«Акт первичного осмотра зарегистрирован».

«Подписи действительны».

«Полномочия составителей подтверждены».

Я уже собирался убрать руку, когда ниже появилась ещё одна строка.

— Вот это уже совсем хреново.

Офицер сделал шаг ко мне.

— Что вы нашли?

— Пока не знаю.

Дар добавил пояснение:

«Полномочия Генриха тор Вальда в должности Императорского прокурора прекращены до наступления физической смерти».

И ниже — разница во времени.

Семнадцать минут.

Выходило, Генрих ещё сидел в этом кресле, дышал и писал ордер, а для имперской системы уже перестал быть Императорским прокурором — за семнадцать минут до смерти. Чертовщина какая-то.

Глава 2. Вакантное кресло

Не прошло и двух часов со дня смерти начальника, а Императорская прокуратура начала трещать по швам.

Первые признаки начались ещё возле кабинета Генриха. Три секретаря одновременно принесли папки, только каждый не понимал, кому вручать. Начальник внутренней стражи потребовал письменное подтверждение приказа об усилении охраны, потому что человек, отдавший приказ, имел такое право исключительно после подтверждения Императорского прокурора.

Генрих отсутствовал — уважительно и надолго, скорее всего навсегда. Проблема заключалась в том, что центральный реестр пока об этом не знал. В одном накопителе Генрих продолжал числиться действующим прокурором, другой уже закрыл его личный доступ, а Казначейство на всякий случай заблокировало часть расходов Прокуратуры до появления человека, который имел право их утверждать.

Особенно сильно государственный кризис ударил по хозяйственному отделу. Невысокий чиновник с папкой долго ждал, пока я закончу разговор со стражей, а потом всё-таки подошёл.

— Господин ревизор, у нас поставка угля задерживается. Казначейство без подписи Императорского прокурора оплату не пропустит. Я понимаю, что господин Генрих сейчас

подписать не сможет, поэтому хотел уточнить, кто временно принимает его хозяйственные полномочия.

Человека интересовало, кому теперь нести счёт. Вот она, государственная служба. Начальник умер пару часов назад, причина смерти неизвестна, Особый ревизор подозревает убийство, а у Прокуратуры стоит телега угля, и возница совершенно не обязан входить в положение прокуратуры.

— У вас должен быть порядок временного исполнения обязанностей.

— Должен, господин ревизор. Кадровая служба ищет.

— За пару часов государство обычно не разваливается.

— А если поставщик уедет?

— Да и чёрт с ним. Не замёрзните.

Он кивнул так серьёзно, будто я сообщил важную государственную новость, и ушёл куда-то по коридору.

Именно в этот момент в коридоре раздался голос Черка:

— Кто после первичного опечатывания снова открывал кабинет?

Гном шёл ко мне, листая журнал посещений. За ним семенил молодой секретарь прокуратуры, прижимая к груди несколько папок и пытаясь одновременно объяснить, кто входил, зачем входил и почему меняли печать на двери.

Черк остановился возле кабинета Генриха, проверил оттиск и только потом посмотрел на меня.

— Ты что-нибудь трогал?

— Документы в перчатках. Тело не двигал. Прокурорский

знак тоже оставил на месте. После первого осмотра кабинет открывали лекари, потом дежурный офицер. Всё записано.

— Сейчас посмотрим, насколько всё.

Он забрал журнал у секретаря и ушёл в работу.

Через десять минут у Черка были фамилии всех входивших, точное время каждого вскрытия, подписи присутствующих и имя человека, который заменил первую повторную печать второй, потому что первая показалась ему «недостаточно ровной».

На Земле я знал следователей, которые за такое могли убить.

Я дождался, пока он закончит ругаться, и в двух словах пересказал запись Дара, не вдаваясь в подробности, откуда узнал.

«Прекращение должностных полномочий: за семнадцать минут до физической смерти носителя».

Гном переспросил.

— Точно семнадцать?

— Если лекарь правильно определил смерть.

— Ошибка в несколько минут возможна. Семнадцать — уже много. При увольнении полномочия могут прекратиться заранее, при судебном отстранении тоже. При недееспособности сначала должна пройти отдельная регистрация. Генриха не увольняли?

— За последний час перед смертью — точно нет. Я же был у Августа в это время, он бы мне сказал об этом.

— Судебных решений тоже не было?

— Я проверил открытый контур. Ничего.

— Тогда нужен кадровый порядок преемства. Такие системы обычно связаны. Если одна должностная запись закрывается, центральный узел должен понимать, кому передавать полномочия.

Императорская прокуратура занимала приличное здание, но смерть начальника почему-то заставила всех сотрудников собраться именно возле его кабинета. Одни действительно работали, другие спрашивали тех, кто работал, третьи стояли в стороне с папками и старались выглядеть людьми, которых невозможно обвинить в бездействии.

Из соседнего помещения доносился спор.

— Я не имею права продлевать задержание без ордера Императорского прокурора или уполномоченного заместителя.

— Срок заканчивается через час.

— Значит, за час найдите человека с полномочиями.

— А если не найдём?

— Освободите.

— Он подозревается в убийстве!

— Поэтому особенно желательно не нарушать процедуру.

Я невольно остановился.

— Знаешь, Черк, мне здесь нравится.

— Тебе нравится учреждение без начальника?

— Мне нравится учреждение, где убийцу действительно

могут отпустить из-за неправильной подписи.

— Это не повод радоваться.

По лестнице поднялся Василис. После ранения прошло не так много времени, и это было заметно. Тростью он уже не пользовался, но левый бок берёт и двигался осторожнее обычного. Лекарь Рурон разрешил вернуться к службе только вчера, поэтому Василис, вероятно, ещё утром рассчитывал провести первый нормальный рабочий день после Нулевого ранга. Не получилось.

На нём был форменный камзол прокуратуры с серебряной полосой первого заместителя. Я посмотрел на форму и только теперь вспомнил вещь, о которой за последние месяцы как-то перестал думать.

Василис фон Ар был не только женихом Бьянки, воздушным магом с удивительной способностью почти умереть в самый неподходящий момент и человеком, которого я периодически хотел ударить, он был первым заместителем Императорского прокурора.

Василис коротко поздоровался и сразу спросил Черка:

— Что успели установить?

Гном не стал пересказывать всё расследование и уложился в главное:

— Генрих умер примерно два часа назад. Очевидной причины смерти нет. Быстрые проверки яда отрицательные, внешних повреждений тоже нет. Но есть странность: его должностные полномочия прекратились приблизительно за

семнадцать минут до официальной смерти. Законного основания для этого мы пока не нашли.

— Полномочия прекратились полностью? — спросил Василис.

— Центральный кадровый реестр пока не понимает, по какому основанию считать должность освободившейся.

Молодой секретарь прокуратуры, который всё это время стоял рядом, решил уточнить:

— Господин фон Ар, у нас сейчас формально переходное состояние. Для смерти, исчезновения и юридической недееспособности предусмотрены разные записи. Господин Генрих ещё не внесён в центральный реестр умерших, поэтому автоматическая процедура не завершилась. Медицинское заключение уже составлено.

Черк одобрительно кивнул.

Ещё немного, и он заберёт этого паренька к нам в работы.

— Где хранится порядок преемства? — спросил Василис.

— В кадровом архиве.

— Принесите.

Секретарь убежал. Василис проводил его взглядом, потом повернулся ко мне.

— Дворец уведомили?

— Август уже знает. Именно он прислал меня сюда.

— Совет?

— Не в курсе. Мне поручено расследовать дело, а уж со-

общать Совету и прочим я не уполномочен.

— Пока причина смерти не установлена, я не хочу принимать полномочия.

Я сначала решил, что ослышался.

— Почему?

— Потому что мой начальник умер при странных обстоятельствах. Его служебная печать почернела, я это вижу даже из коридора, полномочия прекратились раньше смерти, а первым человеком, который получает от этого прямую выгоду, являюсь я. Если через несколько часов после смерти Генриха я возглавлю прокуратуру, любой нормальный следователь обязан будет хотя бы проверить, не имею ли я отношения к тому, что произошло.

Это было разумно, даже слишком разумно для человека, которому только что фактически светило одно из самых влиятельных кресел в Империи. На Земле я несколько раз видел, как после внезапной смерти начальника люди ещё до похорон начинали выяснять, кому перейдёт кабинет. А Василис сам отходил от кресла. Порядочность вообще неудобная вещь. Особенно если противник заранее знает, что она у тебя есть.

Черк вернулся с кадровым свитком раньше секретаря.

— Нашёл. Последняя редакция утверждена четыре года назад. Подпись Генриха.

Он развернул документ на ближайшем свободном столе. Текст занимал несколько листов и подробно регулиро-

вал случаи смерти, исчезновения, длительной недееспособности, отстранения и ещё несколько вариантов, в которых глава прокуратуры по какой-то причине переставал быть главой дееспособен.

При смерти Императорского прокурора исполнение обязанностей переходило к первому заместителю до назначения нового прокурора Императором. Всё сходилось — Василис должен был занять вакантное место. И для этого не требовалось даже отдельного указа.

— Поздравляю, — сказал я. — Закон уже всё решил за вас.

— Я всё равно могу отказаться.

Черк посмотрел ниже по документу.

— Можете. Только сначала посмотрите, что происходит после отказа.

В приложении находился заранее утверждённый список преемников. Если первый заместитель письменно отказывался от полномочий, они автоматически переходили следующему человеку.

Им оказался старший советник прокуратуры по государственным делам Марк фон Рейз.

Черк знал его.

— До прокуратуры шесть лет работал в комиссии Совета по закрытым производствам. Ещё раньше был секретарём комитета Ардена фон Лаура. Арден фон Лаур несколько дней назад потерял голову на площади и до этого довольно

долго был связан с Пустой короной.

— Насколько тесно Рейз работал с фон Лауром? — спросил я.

— Судя по личному делу, достаточно тесно. Готовил часть закрытых заключений комитета, сопровождал секретные производства, потом перешёл сюда. Прямых обвинений против него в архиве Пустой короны я пока не видел.

— Это успокаивает, — сказал я.

Василис взял приложение и сам прочитал несколько строк.

— Где сейчас Рейз?

Секретарь ответил:

— В здании. После сообщения о смерти господина Генриха всех старших советников вызвали на службу.

Вполне нормальная причина — и всё равно мне это не понравилось.

— Если я отказываюсь, отдельного утверждения Императора не требуется?

— Нет, — ответил Черк. — После регистрации вашего отказа полномочия переходят Рейзу. Обрато вернуть их без нового кадрового основания уже нельзя.

— Значит, если кто-то рассчитывал получить прокуратуру через фон Рейза, ему достаточно было предположить, что после подозрительной смерти Генриха я откажусь от должности сам.

— Именно, — сказал я. — Причём вас даже убеждать не

пришлось бы. Вы только что сами предложили это сделать.

— Потому что это разумно.

— Никто не спорит. Просто разумного человека тоже можно использовать, если знаешь, какое решение он примет.

Черк тем временем нашёл историю изменений списка.

— Интереснее другое. Восемь месяцев назад порядок меняли. Вы остались первым преемником, а Рейза подняли на место сразу после вас.

— Кто подписывал?

— Генрих. Но изменение проходило согласование кадровой комиссии Совета.

Да, похоже кто-то готовил преемника из окружения одного из руководителей Пустой короны. На пусти стоял очень приличный первый заместитель, который собирался собственноручно уступить кресло, потому что не хотел выглядеть человеком, убившим начальника ради повышения.

— Василис, — сказал я, — боюсь, придётся поступить неприлично.

— Принять должность?

При всей своей правильности Василис не был идиотом. Если его отказ мог быть заранее заложен в план, становится частью этого плана только ради чистоты собственной репутации он не собирался.

— Хорошо. Но только исполнение обязанностей до решения Императора. И вся процедура проводится сейчас, при свидетелях.

Черк кивнул.

— Я бы ещё зафиксировал отдельно, что решение принято после обнаружения порядка автоматического перехода к фон Рейзу. Чтобы потом никто не рассказывал, будто вы скрывали конфликт.

Василис посмотрел на него уже почти с уважением.

— Сделайте.

Я вздохнул. Вот что бывает, когда два правильных человека встречаются в одном помещении. Но Черк не был человеком, это успокаивало.

Через несколько минут принесли малую прокурорскую печать, регистрационную книгу и текст присяги. Василис потребовал присутствия кадрового секретаря и двух свидетелей, перечитал форму и только после этого положил ладонь на книгу.

Присяга была длиннее, чем хотелось бы человеку, который недавно пережил остановку сердца, но Василис прочитал её полностью.

Обязался соблюдать закон, сохранять независимость прокуратуры, расследовать преступления независимо от ранга и должности подозреваемых и не использовать власть в личных интересах.

Я тут же шепнул Черку, что у нас теперь в родственниках будет Императорский прокурор.

На последней части воздушный маг почему-то посмотрел на меня. Секретарь внёс запись. Печать вспыхнула сереб-

ром. По зданию это почувствовали почти сразу. Где-то за стеной заработал накопитель, потом ещё один. Стража получила подтверждение новых каналов распоряжений. А через пару минут вернулся чиновник хозяйственного отдела с тем самым углём.

— Господин исполняющий обязанности, здесь требуется подпись на завтрашнюю поставку.

Василис взял бумагу, прочитал и вернул.

— Не требуется. Сумма укладывается в обычный хозяйственный лимит. Это полномочие начальника административного управления.

Чиновник удивился.

— Господин Генрих всегда подписывал лично.

— Тогда он занимался работой, которую мог не делать.

Передайте начальнику управления.

Чиновник ушёл. Я проводил его взглядом.

— Первое достижение нового руководства. Уголь спасён.

— Теперь второе, — сказал Василис.

Секретарь положил перед ним чистый лист.

— Все требования Особого ревизора, связанные с Советом, Императором, родом Аурелис или делами, в которых затронуты интересы Бьянки де Гри, с этого момента будут проходить отдельную регистрацию и дополнительную проверку законности.

Теперь я понял, почему он смотрел на меня во время присяги.

— У вас первый рабочий день, а вы уже решили осложнить мне жизнь?

— Я решил не дать защите любого будущего обвиняемого развалить ваше дело из-за моего конфликта интересов.

— Каким образом у вас конфликт из-за моих распоряжений?

— Бьянка — моя невеста. Она является одной из ключевых фигур расследования происхождения Аурелис. Вы связаны с ней не только служебными отношениями, а ваше расследование уже вышло на Совет и Императора. Если я буду без дополнительной проверки утверждать ваши действия, любой хороший адвокат потом спросит, насколько независимо действовала прокуратура.

Я хотел возразить. Потом вспомнил, кем сам работал двадцать лет.

— Альтернатива — мой самоотвод по соответствующим материалам и передача их следующему заместителю.

Фамилию можно было не произносить — проклятый Фон Рейз.

Черк хмыкнул.

— Что?

— Ничего. Просто совсем недавно ты говорил, что теперь у тебя свой человек во главе прокуратуры.

— Был неправ.

Василис подписал распоряжение.

— Нет. Вы неправильно понимаете слово «свой». Если

прокуратура становится чьей-то, она перестаёт быть прокуратурой.

Бьянка, к сожалению, действительно умела выбирать неудобных мужчин. Когда вопрос с руководством хотя бы временно закрыли, можно было вернуться к человеку, благодаря которому всё это началось.

Лекарь закончил повторный осмотр Генриха. Ничего нового: повреждений нет, известные быстрые яды не обнаружены, следов грубого магического воздействия тоже.

Оставался прокурорский знак. Почерневшую пластину сняли и положили на стол.

Василис внимательно осмотрел её.

— Я видел, как гаснут служебные знаки после смерти носителя. Обычно металл тускнеет, связь с центральной печатью постепенно прекращается. Чёрным он не становится.

Черк проверил пластину своим инструментом.

— Связь ещё есть.

— Хотя Генрих мёртв?

— Центральная система пока не получила правильного основания для окончательного закрытия записи. Для неё смерть Генриха — факт медицинский. А должностное прекращение произошло раньше и по другой причине.

К этой странности мы снова вернулись. Человек умер, а его должность, похоже, знала об этом заранее. Большая печать Императорской прокуратуры находилась этажом ниже, в отдельном служебном зале.

Я ожидал увидеть что-нибудь вроде огромного штампа, но местная любовь к магии снова победила здравый смысл.

В центре помещения стояла серебряная конструкция размером с небольшой письменный стол. По наружному кругу шли написанные золотым имена старших прокуроров, внутренние линии соединяли их с архивами, казначейскими узлами, судебными каналами и стражей. В центре находилось имя главы ведомства — Генрих тор Вальд, правда тёмного цвета.

Рядом уже появилась новая строка:

«Временный носитель полномочий: Василис фон Ар».

— Присяга прошла нормально, — сказал Черк. — Новый контур уже закрепился.

Почерневший знак Генриха поместили в специальный паз. Серебряные линии вспыхнули, несколько мгновений система перестраивала внутренние связи, закрывала старые полномочия и передавала новые.

Дар показал обычные записи:

«Преемство зарегистрировано».

«Временный носитель полномочий: Василис фон Ар».

«Основание: прекращение полномочий Генриха тор Вальда».

До этого места всё выглядело нормально. Потом появилась ещё одна строка.

«Предварительное преемство признано до возникновения зарегистрированного основания».

— Черк, открой журнал центральной печати. За тот же промежуток, который мы смотрели наверху.

Гном не стал спрашивать почему. Уселся за боковой накопитель и начал листать события. Через пару минут остановился.

— Нашёл.

Василис подошёл ближе. Запись появилась за семнадцать минут до смерти Генриха. Система просто отметила Василиса как человека, которому должна перейти должность после возникновения основания для преемства.

— Генрих мог запустить процедуру заранее? — спросил я.

Черк проверил соседние поля.

— Мог. Например, если собирался подать в отставку или знал, что будет временно недееспособен. Но тогда здесь стояла бы его личная регистрационная подпись.

Но подписи не было. Вместо неё система указывала:

«Основание подтверждено внешним контуром государственной преемственности».

— Что ещё за внешний контур?

Черк покачал головой.

— В обычной кадровой системе прокуратуры такого источника нет. По крайней мере, я не видел.

Получалось неприятно. За семнадцать минут до смерти

Генриха какой-то внешний государственный механизм уже сообщил прокуратуре: скоро понадобится следующий прокурор. Сам Генрих такого распоряжения не давал.

— Пока никому про этот контур не сообщаем, — сказал я. — Сначала выясняем, откуда пришёл сигнал и кто имеет право его отправлять. Особенно не надо сейчас радовать Совет и людей из списка преемства.

Василис согласился, но сразу добавил:

— Все запросы оформляем официально. Даже внутреннее.

Я посмотрел на него.

— Вы можете хотя бы полчаса не напоминать, что теперь прокурор?

— Нет. Особенно если мы собираемся проверять государственный механизм неизвестного уровня.

Черк перелистнул журнал на одну запись выше, потом ещё раз сверил время.

— Здесь было обращение перед подтверждением.

— Какое?

Гном повернул накопитель к нам.

За минуту до того, как система признала Василиса будущим носителем полномочий, внешний контур направил запрос:

«Подтвердить готовность следующего носителя должности».

Прокуратура ответила автоматически:

«Василис фон Ар. Соответствие подтверждено».

Я посмотрел на время — Генрих тогда был жив.

По журналу входов, находился в своём кабинете. За несколько минут до этого подписал ордер и вызвал секретаря с очередным делом — он ещё не знал, что через семнадцать минут умрёт. А кто-то — или что-то — уже проверяло, готовы ли человек, который займёт его место.

Черк молча вернул накопитель на стол.

— Получается, сначала появился запрос на преемника. Потом у Генриха прекратились полномочия. И только через семнадцать минут он умер, — сказал Василис.

— Пока получается именно так.

Я вспомнил хозяйственника с углём. Тот хотя бы пришёл после смерти начальника и честно спросил, кто теперь будет подписывать бумаги. Здесь всё сделали значительно аккуратнее: сначала проверили, кому достанется кресло, а уже потом оно освободилось.

Глава 3. Убийство приказом

К утру Императорская прокуратура снова заработала.

Ночью по коридорам бегали люди, которые не понимали, кто теперь имеет право отдавать им приказы. Утром те же люди уже бегали с приказами Василиса. Канцелярия каким-то образом пережила смерть начальника, определилась с новым, разблокировала казначейство и даже сумела оплатить вчерашнюю поставку угля. Последнее особенно радовало хозяйственный отдел.

Работа кипела. Вернее, видимость работы. Надо было что-то делать, чтобы создавать важность и получать жалованье.

Нам с Черком временно выделили комнату неподалёку от кабинета Василиса. Обычно там заседали помощники по особым производствам, но их на пару дней выселили, а столы заставили всем, что удалось собрать по последним часам Генриха.

Черк занял самый длинный стол возле окна. К моему приходу там лежали журналы входов, регистрационные книги, копии последних приказов Генриха, история обращений к прокурорскому контуру и несколько металлических пластин со служебными записями. Гном сидел посередине этого бумажного хозяйства с чашкой чая и выглядел так, будто впервые за последние сутки оказался в нормальной обстановке.

— Я принёс ещё чай, — сказал я.

— Поставь подальше от журналов. Вчера один секретарь пролил на книгу регистрации компот, и теперь половина отдела считает, что пятно возле подписи имеет юридическое значение.

— А имеет?

— После высыхания выясним.

Василис в кабинет руководителя решил не переезжать, он остался в своём кабинете заместителя, который теперь временно стал кабинетом исполняющего обязанности Императорского прокурора. Кресло Генриха продолжало стоять пустым. Сам Василис за утро успел принять начальников управлений, подписать накопившиеся ордера и вернуть три документа секретарям, потому что в них неправильно указали основание задержания.

Власть на него действовала странно. Через дверь заглянул его секретарь.

— Господин фон Ар освободился. Просил сообщить, когда вы будете готовы.

Черк даже головы не поднял.

— Мы готовы уже двадцать минут. Просто ваш господин прокурор занят спасением государства.

Секретарь пропустил замечание мимо ушей. Наверняка уже научился.

Через пару минут вошёл Василис. Выглядел он всё ещё так себе. Бледность после ранения никуда не исчезла, под глазами залегли тени. Камзол сидел идеально, волосы тоже

привёл в порядок, поэтому со стороны можно было решить, что человек здоров.

Я знал лучше. После смерти и последующего возвращения организму полагается хоть немного времени, чтобы прийти в себя.

Василис закрыл дверь.

— Что получилось восстановить?

Черк подвинул к середине стола журнал.

— Последний час жизни Генриха я собрал почти полностью. Без точного времени на каждую бумагу, иначе Курт через пять минут перестанет слушать и начнёт смотреть в окно.

— Я прекрасно умею воспринимать цифры.

— Ты вчера трижды перепутал время смерти.

— Потому что вы там устроили бухгалтерскую олимпиаду.

Василис сел с другой стороны стола.

— Тогда рассказывайте так, чтобы понял даже Особый ревизор.

Черк одобрительно кивнул и начал. Вечером Генрих вернулся из Восточной палаты. Почти сразу затребовал несколько документов, потом приказал подготовить ордер на изъятие финансовых книг. Ордер принесли. Генрих проверил его, подписал и поставил прокурорскую печать.

Документ система приняла, при этом полномочия Императорского прокурора были действующими. После чего Генрих успел продлить содержание человека по другому делу

и открыл закрытый финансовый реестр Восточной палаты. Там он проработал несколько минут.

А потом прокурорская печать впервые отказала.

— Вот с этого места подробнее, — сказал Василис.

Черк повернул к нему металлическую пластину.

— Генрих попытался провести ещё одно служебное действие, но центральный контур не подтвердил полномочия. Скорее всего, он решил, что произошёл обычный сбой. Такое бывает, если закрытый реестр перегружен, нарушена связь с центральной печатью или кто-нибудь в канцелярии неправильно обновил доступ.

— Поэтому он попробовал повторно, — догадался я.

— Судя по истории печати, да.

Черк вытащил вторую запись.

— А теперь самое интересное. Служебная запись, по которой Генрих утратил должность, появилась уже после того, как он подписал ордер и открыл реестр. Но в самой записи указано, что полномочия прекратились раньше всех этих действий.

— То есть его уволили задним числом?

— Если объяснять грубо — да.

Вот теперь понятно Черк объяснил понятным языком — без двадцати восьми минут, шестнадцати секунд и прочей херни.

Генрих вечером спокойно работал Императорским прокурором. Подписывал бумаги. Государственная система счита-

ла его законным носителем должности. Потом в реестр добавили новую запись, и эта запись утверждала, что в момент подписи Генрих прокурором уже не являлся.

Я взял копию ордера.

— Сам ордер после этого что?

— Пересчитался по новому статусу, — ответил Черк. — Для центрального контура никакого противоречия нет. Поздняя запись считается уточнением обстоятельств. Например, если человек погиб вечером, а запись о смерти внесли утром, смерть всё равно наступила вечером. Здесь система решила, что получила более точные сведения о Генрихе.

— Только Генрих не умирал и должность не терял.

Василис откинулся на спинку.

— Кто мог внести такую запись?

— До этого ещё доберёмся. Сначала надо понять, почему он умер.

— Вчера вы оба говорили, что прокурорский знак связан с присягой. Что именно человек обещает, когда получает эту штуку?

— Императорский прокурор получает права, которые обычному чиновнику вообще никто не доверит. Может блокировать часть действий государственной стражи, санкционировать закрытые обыски, требовать доступ к защищённым архивам, временно ограничивать отдельные полномочия высокоранговых аристократов. Поэтому присяга привязана не только к человеку, но и к должностному контуру. После пре-

кращения полномочий знак должен сразу перестать ему подчиняться.

— А если продолжить пользоваться?

Василис достал книгу и нашёл текст присяги.

Сама формулировка оказалась древней. Современная прокуратура давно пользовалась сокращённым вариантом, а первоначальный текст занимал почти страницу и звучал так, будто его составляли люди, которые очень хорошо представляли, что может натворить бывший прокурор, если однажды откажется уходить.

Черк прочитал нужный кусок целиком, без попытки превращать его в загадку:

— Носитель должностной печати принимает власть только на время законного пребывания в должности. После прекращения статуса любое применение прокурорского контура считается присвоением государственных полномочий. Печать обязана сначала прекратить доступ, а при повторной сознательной попытке воспользоваться властью имеет право применить принудительное пресечение.

— До какого уровня? — спросил я.

Василис ответил сам:

— До полного разрыва связи с носителем. У человека, который связан с должностной магией несколько лет, такой разрыв может быть смертельным.

Сценарий постепенно становился понятен. Человек подписывает документ, имея на это полное право, а через

несколько минут неизвестный помещает в государственный реестр запись, по которой оказывается, что право исчезло раньше. В результате интересно девки пляшут: обычная подпись превращается в незаконное использование прокурорских полномочий. Вот и на этом и фсё.

Потом Генрих снова обращается к печати. Та не пускает. Он думает, что произошёл сбой, и пытается ещё раз. А для системы это выглядит совсем иначе. Человек, утративший должность, сознательно пытается продолжать пользоваться государственной властью. Присяга реагирует — и убивает.

— Хорошо придумано, — сказал я.

Василис посмотрел с недовольством.

— Что именно хорошего?

— Способ. Я не говорю, что мне нравится результат.

Я положил ладонь на копию ордера. Дар отозвался сразу.

Сначала ничего нового. Подпись Генриха настоящая. Ордер составлен правильно. В момент фактического подписания полномочия были действующими.

Потом появились строки, которые я вчера не видел.

«Последующее изменение должностного основания распространило правовые последствия на ранее совершённое действие».

Ниже:

«Действие признано неправомерным использованием должностных полномочий».

И последнее:

«Пресечение исполнено служебным контуром».

Убийство было исполнено великолепно. Человек умер потому, что государственная система внезапно решила: последние несколько минут он незаконно изображал Императорского прокурора.

— Печать его убила, — сказал я. — Сначала действие было законным. Потом поменялось основание, и система пересчитала уже сделанное как нарушение.

Черк сразу сказал:

— Тогда должна сохраниться внутренняя история самой печати.

Знак Генриха подключили к служебному считывателю. Для этого пришлось получить разрешение Василиса, зарегистрировать следственное действие, вызвать специалиста центрального узла и заставить его расписаться в двух местах.

Специалист спросил, обязательно ли второе. Черк ответил, что после смерти Генриха всё стало обязательно.

В итоге выяснили следующее. История печати сохранилась. Знак и правда зафиксировал попытку использования должностного контура лицом, чей статус уже прекращён.

Последняя запись была короткой.

«Принудительное пресечение связи с носителем».

Через минуту Генрих умер.

Василис сказал:

— Он даже не понял, что происходит.

— Скорее всего, — ответил Черк. — Первый отказ выгля-

дел как обычная техническая ошибка. Генрих привык, что система иногда тормозит. Он повторил действие.

— И этим подписал себе приговор, — сказал Василис. Я покачал головой.

— Нет. Подписал его тот, кто сделал запись. Генрих всего лишь продолжал работать.

За последние месяцы я слишком часто видел, как люди прятали собственное решение за словами «система сделала», «правило потребовало» или «так вышло по процедуре». Печать действительно убила Генриха, но кто-то сначала объяснил печати, кого именно надо считать нарушителем.

Я налил себе неромашковый чай, а именно такой теперь я пью, и вернулся к столу.

— Чтобы задним числом лишить статуса Императорского прокурора, обычной регистрационной ошибки недостаточно, — сказал Василис. — Центральная печать проверяет такие вещи по нескольким уровням. Иначе любой старший секретарь мог бы утром объявить меня бывшим прокурором и посмотреть, сколько проживу.

— Не давайте им идеи, — заметил я.

Василис пропустил мимо.

— Значит, запись должна была прийти от источника, которому государственный контур доверяет больше самой прокуратуры.

Черк уже доставал пластину с регистрацией прекращения полномочий.

— Поэтому я и не стал ночью будить половину Совета. Сначала хотел увидеть источник.

Пластиину вставили в считыватель.

Появились служебные отметки. Вид записи, уровень доступа, состояние защиты. Потом по краю проступила печать Совета.

Василис сразу напрягся.

— Вот теперь Совет придётся будить.

— Рано, — сказал Черк. — Защитная печать показывает, через чей контур запись прошла. Это ещё не доказывает, что решение создал конкретный член Совета. Они могли только хранить или подтверждать основание.

Черка заинтересовал внешний край записи. Гном подвинул лампу ближе и несколько секунд молчал. Потом схватился за лупу.

— Что нашёл? — спросил Василис.

Под современной печатью Совета шёл второй рисунок. Я сначала вообще его не заметил. Очень мелкие символы, похожие на служебный орнамент. Черк рассматривал их долго, потом открыл тетрадь, в которой последние дни перерисовывал старые регистрационные схемы Нулевого ранга.

— Видел похожее у Трика в регистрационных карточках Пустой короны. Там использовался похожий принцип записи: объект, состояние, основание изменения и носитель права. Только знаки были чуть другими. Проще.

— Эта запись могла прийти из Нулевого ранга?

— Скорее наоборот.

Черк положил рядом два рисунка. Теперь сходство видел даже я.

На карточке Пустой короны несколько элементов были заменены короткими символами. В записи Генриха те же части расписывались полностью, будто перед нами не развитие системы, а её более ранний вариант.

Василис взял обе копии.

— Трик сможет определить точнее?

— Должен. Он работал с первоначальными регистрационными слоями и видел документы, которые мы ещё даже не разобрали.

Василис поднялся.

— Тогда доставим его сюда.

Сказал спокойно и уже пошёл к двери.

— Под охраной, с разрешением суда и без предварительного разговора со мной, — добавил Черк ему в спину.

Василис остановился.

— Именно так я и собирался оформить.

Через несколько минут из соседнего кабинета пришло готовое распоряжение. Трика должны были доставить приставы, отдельно указав, что он остаётся обвиняемым и вызывается исключительно для следственного действия.

Наше расследование занимало у нового прокурора только часть дня. В остальное время ему приходилось руководить несколькими сотнями сотрудников и делать вид, что он пол-

ностью здоров. Я неожиданно понял, что начинаю относиться к нему чуть лучше.

Пока ждали Трика, я снова взял пластину с записью. Дар уже показывал, что статус изменили задним числом. Про это мы и без него разобрались. Я попробовал пройти глубже, как когда-то с первоначальным слоем Пустой короны.

Боль в висках пришла почти сразу, а текст поплыл перед глазами

«Настоящая запись создана до основания Империи».

Запись, которая этой ночью лишила должности Императорского прокурора и через его собственную печать отправила человека на тот свет, существовала раньше должности Императорского прокурора и раньше самой Империи.

Рассказать Черку прямо я не мог. О Даре он не знал и знать пока не должен был. Пришлось заходить сбоку.

— Сравни развитие самих символов. Если Пустая корона использовала более позднюю форму, по старым карточкам можно понять, откуда росла система.

Черк поднял взгляд.

— Почему решил, что более позднюю?

— Потому что у них запись короче. Обычно сначала чиновник пишет четыре строки, потом через сто лет другой чиновник придумывает одну печать, чтобы не писать четыре строки.

— Вообще-то чаще наоборот.

— Тогда проверяй оба варианта. Всё равно сидим.

Черк заворчал, но занялся.

Минут через пятнадцать подозвал меня.

— Похоже, здесь ты действительно угадал. На самых старых карточках часть этой конструкции уже сокращена. Причём сокращение системное. Так делают, когда полная форма давно известна и её больше нет смысла каждый раз прописывать.

Он показал одну последовательность.

— Здесь четыре знака.

Потом карточку Пустой короны.

— Здесь вместо них уже один. Значение то же.

— Значит, запись Генриха старше?

— Форму я бы назвал более древней. Насколько — без Трика не скажу.

Вскоре вошел Василис снова, чтобы поинтересоваться, как идут дела. Я как раз рассматривал копию ордера Генриха по Восточной палате.

— Этот документ теперь недействителен? — спросил я у вошедшего.

— Его почти наверняка оспорят. Выходит, что подписал человек без должностных полномочий.

— Тогда нужен новый.

— На изъятие всех финансовых книг Восточной палаты нужно основание посерьёзнее желания Особого ревизора посмотреть, что там лежит.

— У нас Императорский прокурор полез в их закрытый реестр. Через несколько минут кто-то залез в государственную систему, задним числом лишил его должности и заставил собственную печать его убить. По-моему, этого хватит хотя бы на временное изъятие, пока документы случайно не сгорели, не утонули или не оказались съедены редкой архивной молью.

Василис перечитал последний отчёт Черка.

— На временное сохранение материалов хватит. Полный доступ потом отдельно подтвердим через суд. И распоряжение Особого ревизора регистрируем отдельно.

Воздушник ушёл оформлять ордер, и Черк вставил шпильку.

— Бьянка хорошую партию выбрала.

Глава 4. Подсудимый эксперт

Идея вытащить Трика из камеры и использовать по назначению показалась мне настолько разумной, что я даже не ожидал возражений.

Как же я ошибался!

— Нет, — сказал Черк.

Нас после смерти Генриха временно поселили в прокуратуре, чтобы Особый ревизор не ездил через полгорода за каждой справкой. Кабинет оказался обычный: два стола, шкаф, продавленный диван и маленькая печка с чайником. Никаких гробов, тайных дверей и вампиров за стеной. После родной Канцелярии даже скучно.

За окном с утра таскали архивные ящики и ругались два конюха. Судя по отдельным словам, спор начался из-за овса, потом перешёл на происхождение обоих спорящих и теперь медленно приближался к политике Империи. Государственная служба работала.

Черк сидел за своим столом на двух толстых папках, потому что иначе его глаза были бы на уровне столешницы. Перед ним лежала копия записи, убившей Генриха, вчерашние протоколы и несколько листов со старыми знаками Пустой короны.

— Ты сам сказал, что похожие символы видел в документах Трика. Я предлагаю привезти человека, который три го-

да с ними работал. Где именно здесь преступление против здравого смысла?

Черк отложил перо.

— В слове «привезти». Трик не архивная книга, которую можно заказать из хранилища. Он обвиняемый.

— Я в курсе. Сам присутствовал при аресте.

— Тогда почему предлагаешь обращаться с ним как со штатным специалистом Канцелярии?

Для меня всё действительно выглядело просто. Есть непонятный древний реестр. Есть единственный человек, который может его читать. Человек находится в тюрьме неподалёку. Проблема решается каретой и двумя приставами.

Для Черка это был брат, которого он несколько дней назад собственноручно задержал. И стоило мне один раз сказать: «Трик полезен следствию», как вокруг его дела немедленно начинала расти та самая серая зона, в которой государство особенно любит торговать справедливостью.

На Земле я такое видел постоянно. У человека находили деньги, которые он забыл указать в декларации. Через сутки он внезапно вспоминал десять знакомых с деньгами побольше. Ещё через неделю выяснялось, что сам он уже не главный злодей, а почти ценный свидетель, просто случайно забредший в организованную группу с чемоданом наличных.

— Хорошо, — сказал я. — Оформляем через суд.

— В каком качестве?

— Специалист по историческим регистрационным систе-

мам. Никакого изменения статуса по собственному производству, никаких обещаний и сделок.

Черк подвинул чистый лист и начал писать.

Минут через двадцать конструкция стала выглядеть прилично. Трик участвует добровольно, остаётся обвиняемым и после каждого следственного действия возвращается под прежний режим содержания. Если вопрос касается его собственных действий, имеет право не отвечать. Если всё-таки отвечает, сведения могут использоваться в его деле. Никакого иммунитета и никаких обещаний насчёт будущего приговора.

— Защитник? — спросил Черк.

— Если захочет, пусть приходит.

— Тогда это тоже в текст.

— Пиши.

Он записал, перечитал всё сначала и только после этого разрешил мне встать.

— Теперь к Василису.

— После регистрации.

Я посмотрел на дверь.

— Его кабинет через коридор.

— Регистрационная комната по дороге.

Спорить было бесполезно.

Наверное, именно поэтому я до сих пор находился на свободе.

Василис всё же перебрался в кабинет Генриха. Но пока стеснялся делать его под себя. На столе по-прежнему стояла чернильница покойного прокурора, а на стене остался светлый круг от снятого служебного знака. Василис прочитал ходатайство, вернулся к середине и взял перо.

— В таком виде суд его вернёт.

Василис без подчеркнул два места.

Мы подробно написали, что Трик остаётся обвиняемым и всё сказанное о собственных действиях может использоваться против него. Но кто, когда и в какой форме должен это объяснить, не написали вообще. С защитником получилось ещё лучше: про его право мы вспомнили, но порядок отказа не указали.

— Предупреждение до начала действия, под подпись, — сказал Василис. — И отдельно разделите технические пояснения специалиста и возможные показания обвиняемого. Пока Трик объясняет устройство реестра, это одно. Если разговор переходит на то, что лично делал он, следственное действие прекращается и дальше оформляется по его делу.

Возразить было нечего.

Особенно неприятно было то, что на месте защитника Трика я сам потом вцепился бы именно в эти места.

— А без адвоката его вообще пустят?

— Если сам откажется после того, как суд объяснит последствия. Решать за него вы не будете.

Когда я пришёл к Черку с этими замечаниями, он усмех-

нулся и внёс исправления.

Через пару часов Трика привели к судье. Там всё оказалось гораздо короче нашей подготовки. Ему объяснили, зачем его хотят привлечь, отдельно предупредили, что помощь следствию сама по себе ничего ему не покупает, а собственное дело никуда не исчезает.

Защитника Трик вызывать не стал.

— Если господин де Гри начнёт спрашивать лишнее, тогда позову. Платить человеку за то, чтобы он два часа слушал про Первый реестр, я пока не готов, — объяснил гном.

Судья ещё раз уточнила, понял ли он последствия. Трик подтвердил и расписался. Мы с Черком почти два часа составляли бумагу, чтобы суд разрешил дело за несколько минут. В этом хотя бы чувствовалось что-то родное.

Мы вернулись в Прокуратуру в отдельной коляске, а вкоре Трика привезли к нам в кабинет. Двое приставов остались у двери. Черк заранее поставил на стол чайник и несколько кружек. Когда брат сел, он молча налил ему чай, потом словно спохватился.

— Чай нужно внести в протокол.

— Черк, меня не обвинят в получении незаконной выгоды в виде заварки.

— На всякий случай я бы оформил.

— Не возражаю, брат.

На этом семейная часть встречи закончилась. За последние дни между братьями накопилось слишком много, чтобы

разрешить всё над кружкой казённого чая. Я положил перед Триком заверенную копию записи о прекращении полномочий Генриха.

— Ради этого тебя вытащили.

Трик бегло посмотрел на верхнюю часть документа, потом задержался. Усталость с лица исчезла. Он подвинулся ближе, не касаясь бумаги, изучил регистрационный блок, защиту Совета. Чем дольше смотрел, тем меньше мне нравилось выражение его лица.

— Откуда это?

Черк сразу назвал источник, номер дела, способ копирования и место хранения оригинала.

Трик протянул руку. Гном вложил в неё увеличительное стекло. Трик несколько минут рассматривал край записи, затем попросил наши схемы старых знаков. Сравнил один блок, второй, вернулся к первому и наконец откинулся на спинку стула.

— Это не Пустая корона. Пустая корона пользовалась остатками этой системы. А здесь исходная форма или что-то очень близкое к ней.

— Первый реестр, брат?

— Где ты слышал название, брат?

— В твоих книгах, брат.

На лице Трика появилось знакомое семейное выражение: смесь раздражения и профессиональной гордости.

— Да. Мы называли его Первым реестром. В самых ста-

рых документах встречалось «Реестр основания», иногда «Реестр носителей». Кросс запрещал работать с такими записями без отдельного допуска.

— Насколько старый? — спросил Василис, который появился как чёрт из-под земли.

— Старше Империи, — сказал Трик.

Хоть что-то я уже знал про это благодаря Дару, наконец, это подтвердилось способом, который можно спокойно записать в протокол и показать судье.

— Что он делал? — спросил я.

Трик ткнул ногтем в центральный блок.

— Видишь семь закорючек?

Черк раздражённо отодвинул мою руку.

— Не мешай.

— Это государственная функция. Современный реестр хранит человека целиком: имя, гражданство, род, ранг, должность. Первый создавали ещё тогда, когда всё это существовало отдельно. Он связывал конкретного носителя с конкретным правом.

Василис подошёл к столу.

— То есть здесь фиксируется не сам Генрих?

— Генрих остаётся Генрихом. Отдельно существует запись, что именно этот человек имеет право быть Императорским прокурором.

— А если её убрать?

— Он перестаёт быть прокурором. Может сохранять имя,

род, имущество — всё остальное. Просто государственная функция ему больше не принадлежит.

Вот и весь фокус: сначала прокурора вычеркнули из должности, а дальше сработала обычная защита прокурорской печати.

— Пустая корона через этот же механизм прекращала гражданство? — спросил Черк.

— Через отдельные его части. Полного доступа у нас никогда не было. Можно было убрать гражданскую запись, сохранив человека и сохранить служебную личность после официальной смерти. Грубо говоря, временно отвязать душу от тела. Кросс ничего из этого не придумал. Он нашёл старые узлы и научился использовать то, до чего смог дотянуться.

— То есть он натянул сову на глобус! — сказал я.

— Интересно выражение. Надо запомнить, — сказал Трик.

Мы довольно долго считали Пустую корону вершиной древней государственной мерзости. Оказалось, она просто нашла старый инструмент и научилась пользоваться несколькими функциями. А что умела полная версия, я пока предпочитал не представлять.

Василис подвинул Трику журнал прокурорской печати.

— Тогда проверьте последовательность.

Трик прочитал записи: последние успешные обращения Генриха, первый отказ, повторную попытку и принудительное пресечение. Потом вернулся к копии реестра.

— Да. Кто-то изменил носителя функции задним числом. После этого все действия Генриха пересчитались как действия человека без должности. Печать дальше работала уже по собственным правилам.

— Значит, убийце не нужен был доступ к кабинету.

— Если слово «доступ» здесь вообще подходит, — ответил Трик. — Для такой записи обычного регистрационного ключа недостаточно.

— А какого достаточно?

Трик перевернул копию и показал несколько знаков возле старого контура.

— Высшие государственные функции подтверждались живыми печатями. Я уже приготовился услышать про очередной артефакт, но, как оказалось, не угадал.

— Печатью был человек. Система проверяла его душу, тело, зарегистрированную функцию и личный знак. Всё должно было совпасть. Для записей верхнего уровня существовали основные подтверждающие носители.

— Кто?

— Император. Императорский прокурор. И представитель Совета, которому передавалось право подтверждать изменения высших государственных функций.

Теперь у нас появился список, но не слишком удобный. Генрих вряд ли за несколько минут до смерти сам лишил себя должности, после чего продолжил работать и удивился отказу собственной печати. Оставались Император и Совет.

— Кто сейчас представитель Совета? — спросил Василис.

— Надо выяснить.

Черк постучал пальцем по записи.

— Для такого изменения хватило одной живой печати?

— Зависело от операции. Где-то требовалось два подтверждения. Где-то одно плюс существующее основание в самом реестре. Иногда высший носитель мог изменять нижестоящую функцию единолично. По этой копии я точно не определю. Вы принесли результат. А мне нужен исходный узел и журнал подтверждений.

— Где находится Первый реестр?

Трик посмотрел на меня почти с жалостью.

— Если бы я знал, Пустая корона выглядела бы совсем иначе.

— Кросс искал?

— Десятилетиями. Насколько успешно — не знаю.

Очень полезная организация. Главный уже казнён, остальные знают ровно столько, чтобы сообщить, что он наверняка знал больше.

После Нулевого ранга фраза «Кросс десятилетиями искал древний государственный механизм» сама по себе была хорошей причиной отказаться от обеда. Но Василиса интересовало другое.

— Прокуратура — одна из государственных функций. Какие ещё там были?

— Совет, старые судебные полномочия, часть родовых

функций. Императорская запись.

Василис некоторое время молчал.

— Если эта система смогла прекратить полномочия Генриха, с Императором она тоже сработает?

— С Генрихом всё было просто. Он человек, гражданин Империи, законный носитель должности. Все записи сходились. С Императором я бы ничего заранее не обещал.

— Почему?

— Потому что императорский раздел старше нынешнего права. Там отдельно идут носитель функции, личность, тело и душа. Сейчас всё это обычно один человек, поэтому никто не задумывается. А раньше, похоже, задумывались.

Трик постучал пальцем по одному из старых знаков.

— В Нулевом ранге попадались записи, которые современный реестр принимал без вопросов, а старый отказывался. Особенно после переселения души. Для нынешней системы перед тобой гражданин с именем, родом и документами. Для той могло оказаться, что тело принадлежит одному, душа другому, а право пользоваться именем вообще третьему. И тогда начиналось веселье.

Мне сразу вспомнился Август: двести лет без гражданства, человек, появившийся в государственных книгах сразу Императором. Он сидел в чужом теле, знал русский и имел неприятную привычку знать обо мне вещи, которых знать не должен — про Партнёра и договор с ним. Знал ли он про Дар, мне предстояло ещё выяснить.

— Значит, снять Августа через Первый реестр всё-таки можно?

— Я сказал не это. Сначала надо понять, кого именно Первый реестр считает Августом. Если там вообще всё оформлено так, как вы предполагаете.

Черк тем временем сделал отметку в протоколе.

— Ты сказал, у исходного узла должен быть журнал подтверждений?

— Если он сохранился — да. Такая операция не могла пройти бесследно. Кто-то должен был подтвердить право изменить функцию Генриха через один из верхних контуров.

— То есть можно определить, Император это или Совет?

— Теоретически. Но для начала надо найти, куда современный реестр отправил запрос. Сейчас вы видите только итоговую запись и наложенную защиту Совета. Защита ещё не означает, что Совет был источником.

Это уже было полезнее любой красивой догадки. У нас появился следующий шаг, который можно было оформить, проверить и потом положить на стол судье.

— Нужна техническая история обращения к верхнему контуру, — сказал я глядя на Василиса.

Воздушник кивнул.

— Запросим через центральный узел прокуратуры.

— Так, чтобы Совет заранее не получил копию.

Василис посмотрел на меня без особого восторга.

— Подобные запросы как раз могут проходить через Со-

вет.

— Поэтому ты теперь Императорский прокурор. Придумай.

Черк уже начал составлять запрос. Трик тем временем снова вернулся к копии и ещё несколько минут изучал старые символы. Потом неожиданно спросил:

— Вы Восточную палату проверили?

— С чего вопрос?

— Генрих ведь полез туда непосредственно перед тем, как появилась эта запись...

Черк быстро нашёл временную последовательность.

— Открыл закрытый финансовый реестр раньше записи о прекращении полномочий...

— Первый реестр не должен был реагировать на обычную финансовую проверку. Значит, либо Генрих нашёл там что-то связанное с верхними функциями, либо кто-то очень не хотел, чтобы он продолжил искать, — сказал Трик.

Я и сам пришёл примерно к тому же недавно. Только теперь это говорил человек, который действительно понимал устройство старого механизма.

— Новый ордер на Восточную палату уже готов, — сказал Василис. — Сегодня начнётся изъятие.

— Тогда я бы не ограничивался четырьмя годами, которые запросил Генрих, — сказал Трик. — Если Первый реестр действительно использовали через современный государственный контур, след мог проходить через старые за-

крытые счета. Такие узлы обслуживаются десятилетиями. Иногда столетиями.

— Дадите письменное техническое обоснование на расширение, си Трумы? — спросил Василис обращаясь к братьям.

Работа наконец пошла дальше. На одном столе лежал запрос в центральный узел, который должен был показать, через кого подтвердили прекращение полномочий Генриха. Рядом Черк готовил расширение проверки Восточной палаты. Трик писал пояснение по старым финансовым контурам. Василис уже отправлял секретаря за техническим специалистом прокуратуры.

А я снова посмотрел на копию древней записи. Для всех остальных пока существовало убийство Генриха. Очень необычное, очень хорошо подготовленное и явно связанное с механизмом, который современная Империя использовала, почти не понимая его происхождения.

У меня к этому добавлялся Август. Дар видел в нём человека из другого мира, живущего в чужой личности двести лет. Официальные архивы не знали Августа до дня его коронации. Теперь выяснилось, что под современным государством всё это время лежит другой реестр, для которого тело, душа, имя и государственная функция вообще не обязаны принадлежать одному человеку.

Очень хотелось добраться до императорской записи. Хотя опыт подсказывал, что после слов «очень хочется посмот-

реть древний государственный реестр» обычно начинается именно та часть расследования, о которой потом жалеешь.

Глава 5. Невеста прокурора

Я после прокуратуры вернулся домой с Черком и двумя папками по делу убиенного генпрокурора Генриха. Мы собирались спокойно поесть, потом ещё раз пройтись по показаниям Трика и наконец перевести дух.

До пяти часов вечера поместье де Гри жило почти нормально. В половине шестого у ворот остановилась первая карета. Тут же приехала вторая. А к семи я сбился со счета на двадцать седьмой, но Черк спокойно предоставил мне протокол подсчёта. Оказалось, что приехало двадцать восемь. На одну я промахнулся. Важно дело считать кареты. Уж лучше, чем страдать хернёй и искать в этом проклятом магическом мире, будь он неладен, почему из-за того или иного крючка в документе всё идет через задницу.

Наконец я заколебался смотреть в окно и отвлекаться на подсчёт карет. Я решил спуститься вниз и разобраться, наконец, что тут происходит, и почему гости так топают сапогами. Когда я спускался по центрально лестнице вместе с Черком, который прыгал со ступенек, как антилопа, горничная принимала плащи от вновь прибывших. Между тем я заметил, что в гостиной кончились свободные кресла, цветы пришлось ставить на пол — на столиках и комодах не хватало места. Матушка София сразу кинулась ко мне и попросила помочь пану Жорке притащить из сарая лавки для гостей...

Ну лавки я ещё в империи не носил и с радостью согласился. Пан Жорка как раз вытаскивал из сарая лавки.

— Никуда не годится эта рухлядь, попадают с них гости.

— Жирные, пожалуй, проломают. Надо сказать матушке, чтобы сажала на них худых,

— Здоровое решение, господин де Гри, так и скажу Софии..

Я взял две лавки, пан Жорка умудрился взять четыре, по две под каждую мышку.

Как же этим никудышным лавчонкам обрадовались гости! Лавки были достаточно хлипкие, но вроде трагедии и комедии не случилось. Все уселись и даже не поморщились.

Я же пока находился в шоке. Как так? Что случилось? По какому поводу банкет? Где, кстати, закуска?

Оказалось, что Альберт уехал за закусками и скоро должен был вернуться. А собственно, банкет был по самой что ни на есть важной причине. Столица быстро узнала, что после смерти Генриха обязанности Императорского прокурора исполняет Василис фон Ар. А поскольку Василис был женихом Бьянки, поздравлять приехали к Бьянке.

Самого Василиса никто не искал. Все прекрасно понимали, что человек, которому утром свалили на стол работу убитого начальника, вряд ли успеет вечером принимать цветы. Зато будущая жена находилась дома и была значительно удобнее.

Расставив лавки и переводя дух, я умилением наблюдал,

как очередная пожилая баронесса объясняет вернувшийся Бьянке преимущества брака с одним из самых влиятельных чиновников Империи.

— Вам теперь придётся особенно внимательно относиться к кругу общения, дорогая. Положение супруга обязывает и супругу.

Бьянка улыбнулась. Я эту улыбку уже знал. Обычно через несколько минут после неё кто-нибудь начинал жалеть, что вообще открыл рот.

— Пока он мне не супруг.

— Разумеется, разумеется. Но после утверждения господина фон Ара Советом всё может произойти очень быстро. Прокуратура требует определённого представительства. Приёмы, благотворительные общества, сопровождение на государственных мероприятиях...

Баронесса продолжала. Рядом стояла её дочь и Бьянку с плохо скрытой завистью. Ещё несколько месяцев назад большая часть таких людей относилась к дому де Гри как к бедному роду с сомнительным будущим. Теперь глава рода вернулся из мёртвых, семейные права восстановили, а дочь выходила замуж за человека, который вполне мог через пару недель стать Императорским прокурором. Общество моментально вспомнило, что всегда нас любило.

Бьянка раскланялась и подошла ко мне.

— Я сегодня узнала много интересного, — сказала она. — Например, что жена Императорского прокурора не долж-

на носить слишком яркие цвета, но и слишком простые тоже нельзя. Она обязана устраивать приёмы, но не слишком часто, чтобы не отвлекать мужа от службы. Должна иметь собственное мнение, однако желательно не по вопросам, которые обсуждает Совет. Они даже не спрашивают меня про Фискала.

Ещё совсем недавно драконья кровь Бьянки, история Аурелис и связь с Фискалом были главной темой любого разговора вокруг неё. Иногда это бесило не меньше, но хотя бы относилось к ней самой. Сегодня всё изменилось.

— До вчерашнего дня я была то найденной дочерью де Гри, то Аурелис, девушкой с драконьей кровью. Теперь я просто будущая жена прокурора.

— Василис пока исполняющий обязанности.

— Всем плевать.

— Это правда.

— Тебе тоже теперь проще думать обо мне как о невесте Василиса?

— Тогда почему ты весь вечер от меня прячешься?

На Земле в таких ситуациях существовал прекрасный способ решения проблемы: уйти на кухню, открыть холодильник и сделать вид, что срочно хочется есть.

— Меня раздражает то, что за один день все уже решили, какой должна стать твоя жизнь после назначения Василиса. Хотя его даже не назначили.

София позвала Бьянку. Перед тем как уйти, она наклони-

лась ко мне.

— Василис обещал приехать после работы. Постарайся к этому времени перестать выглядеть так, будто у тебя отобрали любимую вещь.

К восьми в поместье в серебряном экипаже приехал Василис в сопровождении офицеров на вороных конях. Один из офицеров был боевой гном с секирой, и я немного улыбнулся, представив, что он приехал бы на пони, а не на огромном мерине. Впрочем, и так и так это была бы в моём земном мире комедией. Тут это была жизнь... самая мякотка.

Я был весьма удивлён такому появлению любителя ромашковых Бьянок: нет, я понимаю, что после смертельного ранения и воскрешения воздушник мог беречь себя и пока попридержат коней в плане полёта. Но мог бы явиться на грифонах! Но нет, он приехал в карете, как какой-то генеральный прокурор... Только день работает в новой должности, а уже так его власть развратила...

Ещё неделю назад он мог прилететь в поместье через половину столицы, приземлиться возле крыльца и получить от Софии замечание за то, что опять испортил воздушным потоком клумбу. Теперь будущий, возможно, Императорский прокурор приезжал с охраной. Вот она, государственная служба.

Впрочем, когда Василис выбрался из кареты, шутить расхотелось. Выглядел он хреново. Не настолько, чтобы срочно укладывать обратно и звать Рурона, но даже с крыльца было

заметно, что сегодня он работал дольше, чем позволял лекарь. Василис двигался осторожнее обычного, правую руку держал ближе к боку, а на первой ступеньке задержался на секунду, будто решил полюбоваться фасадом.

На Земле сам так делал после больницы, в которую попал после возлеяний: остановился, вроде бы задумался, на самом деле ждёшь, пока перестанет темнеть в глазах, а потом идёшь дальше, типа фсёхорошо. Нехорошо.

Бьянка увидела жениха через открытые двери. Вокруг неё стояли человек десять, поэтому побежать она себе не позволила. Просто извинилась перед собеседниками и пошла навстречу. Первые несколько шагов спокойно, последние уже настолько быстро, что старая графиня с расфуфыренным хлебом недовольно фыркнула.

Бьянка осторожно обняла жениха, стараясь не задеть грудь. Василис положил ладонь ей на спину и на несколько секунд закрыл глаза. Я стоял в трёх шагах и очень успешно радовался за них.

Когда Василис открыл глаза, то наконец заметил набитую людьми гостиную.

— Что происходит?

— Тебя поздравляют, — сказал я. — Светское общество быстро нашло замену: если чиновник недоступен, можно поздравить его невесту. Государство держится на гибкости.

Матушка уже шла к нам через гостиную. София обняла Василиса так осторожно, будто тот был дорогой вазой, а за-

тем сразу спросила, ел ли он. После уточнения выяснилось, что за весь день исполняющий обязанности прокурора выпил несколько чашек чая и съел кусок холодного пирога.

С этого момента его должность перестала иметь значение.
— Идём.

Василис умоляюще посмотрел на меня, но я пожал плечами. Императорскую прокуратуру возглавлять можешь, но с будущей тёщей спорить не смей. Чем София его собиралась кормить я не представлял, в доме было шаром покати. Гостиам разве что воду не наливали.

Через несколько минут он уже сидел за столом, пока вокруг него начинался второй круг поздравлений. Теперь гости получили возможность говорить непосредственно с виновником события, поэтому следующие полчаса он пожимал руки, благодарил, повторял, что назначение временное и что смерть Генриха вообще-то не является поводом для праздника. Последнее замечание светское общество вежливо игнорировало.

Смерть Императорского прокурора была трагедией только для него и его близких. Остальным было плевать, собственно, это общество мне чем-то напоминало земное.

Вскоре приехал Альберт в карете. За его каретой приехала ещё одна, гружённая корзинами, ящиками и свёртками с едой. Отец оглядел забитую гостиную без особого удивления, будто его отсутствие вообще никак не сказались на способности понимать аристократов.

— Двадцать восемь экипажей, — сообщил я.

— Сорок три, — сказал Черк. — уже сорок три.

— Тогда сорок четыре, за мной Фон Лир едет, я его обогнал.

Я повернулся к Черку. Гном ни говоря ни слова достал блокнот и сделал пометку.

Из-за количества гостей ужин пришлось растянуть на две комнаты. В столовой не хватило мест, поэтому часть аристократов расположилась в гостиной за низкими столиками, а несколькими особенно невезучим достались сарайные лавки. Та, которую мы с Жоркой заранее признали подозрительной, прогнулась под бароном фон Мерсом так, что я уже думал, как бы его пересадить. Но решение нашёл Черк, который где-то раздобыл обрезок доски, попросив фона Мерса встать, ловко сунул деревяшку по центру лавки, тем самым уберегая нас от конфуза и скандала. Ведь если какой-нибудь фон навернётся с лавки, целую неделю будут обсуждать, что в поместье де Гри разваливается мебель.

Пан Жорка прошёл мимо и шепнул:

— Пока держит, но он уже вторую тарелку берёт.

Наконец я устроился у окна с тарелкой мяса. После целого дня в прокуратуре и вечера, проведённого в роли грузчика, светского хозяина и счётчика карет, хотелось хотя бы десять минут пожевать в тишине.

Василис подсел рядом.

— Если собираетесь говорить о работе, я уйду.

— Не о работе.

Василис посмотрел в сторону Бьянки. Она разговаривала с молодой баронессой возле камина, но периодически косилась в нашу сторону. Видимо, уже заметила, что жених приехал за чем-то важным.

Я с неохотой отложил вилку.

— Что случилось?

Василис некоторое время вертел чашку в руках, прежде чем ответить.

— Сегодня мне передали материалы внутренней безопасности прокуратуры. Генрих держал их отдельно от обычных дел. Среди прочего там есть нападения и попытки давления на прежних Императорских прокуроров. Через родственников за последние пятьдесят лет пытались действовать четырежды. Генриха убили через систему, о существовании которой мы вчера почти ничего не знали. Трик сегодня подтвердил, что доступ к ней могли иметь люди внутри высших органов власти. Я не понимаю, с кем именно мы имеем дело и насколько далеко это тянется. А сегодня вечером половина столицы уже приехала сюда поздравлять мою невесту.

Теперь направление разговора стало очевидным.

— Хотите отменить помолвку. Ведь пока вы занимаете место Генриха, она становится способом давить на вас.

— Временно приостановить. Я хотел бы жениться на ней.

Если Бьянку возьмут в заложники, Императорский прокурор окажется перед выбором между законом и женщиной,

на которой собирается жениться. И, судя по лицу Василиса, государство в тот момент может неприятно удивиться.

— А если вы перестанете официально быть помолвлены, враги внезапно забудут, что вы её любите?

— Я понимаю, что это не решает проблему полностью.

— Тогда зачем?

Василис провёл пальцем по краю чашки.

— Потому что я сейчас не уверен, что смогу принимать правильные решения, если угроза будет касаться её.

— То есть вы защищаете не только Бьянку.

— И Бьянку, и себя.

Он сказал это спокойно, и мне пришлось признать: хотя бы не притворяется.

— Вы ей это так и объясните?

— Постараюсь.

Бьянка уже шла к нам. Она села с другой стороны стола и несколько секунд переводила взгляд с меня на Василиса.

— Что вы обсуждаете?

Я снова взял вилку.

— Государственную безопасность.

— Мою?

Предательское лицо Василиса всё-таки умело говорить.

Я занялся мясом, пусть воздушник сам выкручивается.

— В том числе твою, — сказал он.

Василис не стал ходить кругами, за что получил от меня один мысленный плюс.

— Я хочу предложить временно приостановить нашу помолвку, пока не закончится расследование смерти Генриха и не станет понятно, кто возглавит прокуратуру дальше.

— Ты хочешь на мне не жениться?

— Хочу жениться.

— Тогда почему ты опять решил за меня?

В нескольких метрах продолжали разговаривать гости, звенела посуда, кто-то смеялся возле камина. От этого Василису, по-моему, стало ещё хуже.

— Я не решил.

Бьянка приподняла бровь.

— Ты приехал сообщить, что хочешь приостановить помолвку.

— Предложить.

— Теперь уже предложить.

Василис помолчал, явно мысленно выбрасывая половину заранее подготовленной речи.

— Хорошо. Я неправильно начал.

Это тоже раздражало. Нормальный мужчина должен минут десять защищать неудачную формулировку, злиться, потом сказать что-нибудь совсем идиотское и только ночью понять, где ошибся. Василис умудрился признать проблему сразу.

— После смерти Генриха я получил доступ к сведениям об угрозах прежним прокурорам, — продолжил он. — Несколько раз давили через семьи. Генрих погиб так. Кто-то

сумел изменить его государственный статус внутри системы. Пока я не знаю, сколько людей участвует и какие у них возможности.

— И ты решил, что если снять кольцо, они меня не заметят?

— Нет.

— Тогда что меняется?

— Официальная связь.

Бьянка посмотрела на кольцо.

— Люди в этой гостиной приехали ко мне через несколько часов после твоего назначения. Думаешь, завтра они забудут, что мы собирались пожениться? Если кто-то захочет через меня давить на тебя, ему будет всё равно, записана я твоей невестой сегодня или была ею вчера.

— Риск всё равно немного снизится.

— Насколько?

— Я не знаю.

Бьянка откинулась на спинку кресла.

Я продолжал медленно есть, молясь, чтобы тарелка не закончилась раньше разговора. Редко выпадает возможность совершенно официально присутствовать при чужом семейном конфликте и при этом иметь тарелку с вкусной едой.

— Значит, — сказала она, — ты хочешь отказаться от нашей помолвки ради меры безопасности, эффективность которой сам не можешь оценить.

— Я не отказываюсь от тебя.

— Тогда не надо начинать с того, что ты хочешь отменить единственное, о чём мы когда-то договорились вместе.

Василис устало провёл ладонью по лицу. В этот момент он выглядел не Императорским прокурором, а лопушком.

Бьянка увидела это тоже. Голос у неё стал мягче, но злость никуда не исчезла.

— Ты опять пытаешься защитить меня способом, который выбрал сам.

— Потому что это касается моей должности.

— А помолвка касается нас обоих.

Тут из-за соседнего столика появился Черк.

— Если проблема именно в риске похищения, — произнёс гном, — прекращение помолвки выглядит не самым эффективным способом. Фактическая связь сохранится. История помолвки публичная. Место проживания госпожи Бьянки известно. Связь с домом де Гри известна. Если целью будет давление на господина фон Ара, изменение записи в реестре мало что даст.

Бьянка повернулась к Василису.

— Вот.

Черк поправил очки.

— Я бы увеличил физическую охрану, ограничил публикацию перемещений и временно проверял приглашения.

— Спасибо, Черк, — сказал Василис.

— Не за что.

И ушёл обратно к своим бумагам, совершенно не пони-

мая, что только что вмешался в чужую помолвку. Я всё-таки засмеялся, Бьянка тоже и даже Василис улыбнулся. Напряжение немного спало. Потом он посмотрел на неё уже без прокурорского выражения лица.

— Есть ещё одна причина. Если из-за меня тебе будут угрожать, я не уверен, что останусь Императорским прокурором в тот момент, когда придётся выбирать. Если кто-то возьмёт тебя, чтобы заставить меня прекратить расследование, я могу выполнить требование. Если попросят отпустить человека — могу отпустить. Если придётся нарушить приказ Августа, чтобы тебя вернуть, скорее всего, нарушу.

— И поэтому хочешь оттолкнуть меня заранее?

— Хотел убрать хотя бы одну официальную связь.

— Не поможет.

— Возможно.

— Тогда придумай другую защиту.

— Придумаю.

— И спроси меня.

Бьянка всё-таки протянула руку через стол. И вот здесь я очень хорошо почувствовал себя лишним, но не настолько, чтобы уйти: мясо ещё осталось.

Если бы Василис был самовлюблённым карьеристом, который ради должности решил убрать неудобную невесту, мне было бы гораздо легче. Я бы объяснил Бьянке, какой он мудака, желательно юридически грамотно, после чего вопрос закрылся бы сам.

— Значит, помолвка остаётся? — спросил Черк с соседнего стола.

— Тебе зачем понимать статус? — спросила Бьянка.

— Чтобы больше не обсуждать способы его изменения.

Бьянка засмеялась.

— Остаётся.

К полуночи гости наконец начали разъезжаться. Оказалось, сорок четыре экипажа не так просто проводить. Ведь каждая семья должна попрощаться с Софией, Альбертом, Бьянкой, Василисом и желательно ещё со мной, я конечно не генеральный прокурор, но тоже птица высокого полёта. Один пожилой барон минут десять мне рассказывал, что всегда верил в невиновность моего отца.

Когда барон уехал, Альберт подошёл ко мне.

— Он голосовал за конфискацию нашего поместья.

— Я догадался, что он замешан: слишком убедительно рассказывал, что всегда вас поддерживал.

Отец усмехнулся.

— На Земле примерно было так же. Только лавки крепче.

Всё-таки хорошо, что в этом мире кто-то помимо дракона знает, что ты из другого измерения. Я хотел пошутить про гидролизный завод, но меня окликнула София и попросила подойти вместе с Василисом.

Возле неё стоял незнакомый мужчина в форме императорской почтовой службы. На воротнике серебрилась печать нотариата. В руках курьер держал большой серый пакет, за-

печатанный сразу тремя восковыми печатями. Чем больше печатей, тем секретней донесение!

Черк уже был рядом. Документы притягивали его сильнее еды.

— Особый ревизор Курт де Гри? — спросил курьер.

— Пока да.

— Исполняющий обязанности генерального прокурора Василис фон Ар?

— Он самый.

Он протянул журнал для подписи и пакет.

Пакет был оставлен Генрихом заранее и подлежал передаче после официального подтверждения его смерти и назначения лица, исполняющего обязанности Императорского прокурора. Получить его должны были Особый ревизор и новый глава прокуратуры совместно, если оба доступны.

Черк проверил номера печатей, регистрацию нотариата и время передачи. Я расписался. Василис тоже. Когда курьер ушёл, мы перенесли пакет в кабинет.

Гостей к тому моменту почти не осталось. София пошла с нами без приглашения. Альберт тоже. Бьянка вообще вопрос не обсуждала. Василис посмотрел на состав собравшихся и, кажется, решил, что спорил сегодня с семьёй де Гри уже достаточно.

Пакет положили на стол. На нём действительно стояла личная печать Генриха. Человек оформил документ, который должен был попасть к нам только после его смерти.

— Вскрывайте, — сказал Черк.

Я сломал воск. Внутри оказалась папка. На обложке значилось:

«РОД АУРЕЛИС. МАТЕРИАЛЫ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА».

Первые документы ничего нового не дали. Решение Совета, доклады о предполагаемом мятеже, сведения о контактах Аурелис со свободными драконами, конфискация имущества, списки погибших и пропавших. Всё то, на чём двадцать лет держалась официальная история: древний род решил поиграть в государственный переворот, государство обиделось и ответило с присущей государству умеренностью — уничтожило почти всех.

Только папка Генриха была раза в три толще той, что хранилась в открытом архиве.

Альберт заметил это первым. Вытащил из середины несколько листов, пробежался глазами и придвинул к себе лампу.

— Вот этого я раньше не видел.

— Чего?

— Приложений к итоговому решению. В открытом деле их не было.

Василис сел рядом. Я тоже заглянул через плечо, но ничего особенно интересного не увидел: фамилии, номера, ссылки на закрытые заседания. После Пустой короны у меня выработалась нездоровая привычка относиться к непонятным

государственным документам настороженно. Обычно если бумага выглядит скучной, именно в ней потом находится какая-нибудь дрянь, из-за которой люди, эльфы и гномы перестают юридически существовать.

Пока Альберт разбирался с приложениями, Бьянка листала списки погибших. Некоторые фамилии ей вообще ничего не говорили. Родственники, которых она никогда не видела, умершие раньше, чем она узнала собственное происхождение.

Черк тем временем добрался до последнего раздела и вытащил сложенный вдвое лист.

Василис сказал, что это почерк Генриха.

«Если пакет вскрыт, я не успел проверить предположение. Не тратьте время на подлинность решения. Проверьте непрерывность подписантов».

Вчера эта фраза показалась бы обычной чиновничьей загадкой покойника. После сегодняшнего разговора с Триком слово «непрерывность» уже имело совершенно определённый и очень неприятный смысл.

— Он не сомневался в самом решении, — сказал Василис.
— Подписи настоящие.

— Похоже, именно это Генриха и беспокоило.

Черк раскрыл итоговый протокол Совета и придвинул к себе выписки, которые мы привезли из прокуратуры. Под решением стояли подписи членов специальной комиссии, двух военных советников, представителя прокуратуры и ещё

нескольких людей, которых Совет привлёк к закрытому заседанию.

Начали сверху. Один подписант умер спустя восемь лет после уничтожения Аурелис, другой погиб на войне, третья женщина дожила почти до семидесяти и умерла в собственном поместье. Впервые за последние дни нормальная человеческая смерть начинала восприниматься почти как подарок.

На четвёртой фамилии Черк фыркнул. Он вернулся к предыдущей выписке, потом ещё раз сверил номер родовой регистрации и полез в другую папку.

— Нашёл? — спросил я.

— Не знаю.

Черк редко чего-то не знал. Обычно он либо знал, либо через пять минут приносил бумагу, которая доказывала, что знать следовало именно так.

Василис встал.

— Кто?

Черк повернул к нам решение.

Сика фон Прис.

Фамилия была знакомой. Высокий старик с длинными седыми бакенбардами, двенадцатый ранг, один из старейших членов Совета. Я видел его совсем недавно. Он отлично разговаривал, самостоятельно ходил и почти два часа спорил против расширения полномочий Особого ревизора.

— Он сейчас в Совете, — сказал я.

Черк положил рядом гражданскую выписку, имя совпало, родовой номер тоже. Дата рождения правильная. Ниже стояла запись о прекращении гражданского состояния в связи со смертью.

— Может, ошибка и запись отменяли?

— Нет. После смерти имущество передали наследнику, личные счета закрыли, родовые права прекратили. Казначейство завершило обязательства сорок лет назад. Для государства он умер окончательно и вполне успешно.

— А для Совета?

— Судя по всему, для Совета он остался жив.

Человек сорок лет ходит на работу после собственной смерти, а кадровая служба не задаёт лишних вопросов. На Земле я знал несколько учреждений, где такое тоже могло пройти, особенно если покойный продолжал вовремя подписывать табель, чтобы кое-кто получал его зарплату.

Бьянка нашла подпись фон Прис под решением об уничтожении Аурелис.

Я положил ладонь на выписку. Дар сработал сразу.

«Гражданская смерть зарегистрирована в установленном порядке».

Я ожидал чего угодно: ошибочную запись, подмену, отмену решения, неправильную идентификацию. Ничего такого. Смерть была оформлена правильно.

Появилась ещё одна строка:

«Использование гражданских и служебных прав

продолжено после прекращения гражданского состояния».

— Реестр не ошибся. Фон Прис действительно умер сорок лет назад.

— Но я разговаривала с ним несколько месяцев назад, — сказал Василис.

— Именно поэтому мне особенно нравится уточнение «по закону».

Альберт провёл пальцем по дате смерти.

— Я помню эту историю.

— Какую именно?

— Смерть фон Приса. Мне тогда было лет двадцать. Он тяжело заболел, семья сообщила о смерти, имущество начали передавать сыну. Больших похорон не было, поэтому никто особенно этим не интересовался.

— А потом мертвец передумал?

— Примерно через год фон Прис снова появился в столице. Объяснили ошибкой: якобы умер его двоюродный брат, а чиновник неправильно внёс запись.

Черк посмотрел на Альберта почти оскорблённо.

— Такую ошибку невозможно провести через четыре независимых реестра.

— Я был тогда молод и не проверял Казначейство каждый раз, когда кто-нибудь воскресал, — сказал Альберт.

— Напрасно.

Бьянка вступила.

— Подождите. Он умер сорок лет назад, через год вернулся и двадцать лет назад участвовал в решении по Аурелис?

— Получается так.

— И Генрих это нашёл.

Теперь стало понятно, почему в выписке не было ни слова о поддельных документах. Генрих проверил подпись и, скорее всего, получил тот же результат: подпись настоящая. Совет действительно голосовал. Проблема начиналась раньше: с людей, которые сидели за столом.

— Значит, мой род уничтожили по решению, за которое голосовал человек, умерший кучу лет назад?

— По крайней мере один, — сказал Черк и пожал плечами.

— Генрих написал «подписантов». Во множественном числе.

Генрих зачем-то собирал данные по каждому, потом запечатал дело и распорядился передать его после собственной смерти приемнику и Особому ревизору. А вскоре погиб от того, что государственный реестр задним числом перестал считать его прокурором.

Совпадение выглядело всё хуже. Я закрыл папку.

— Завтра поднимаем полные биографии всех подписантов.

Василис кивнул.

— Начнём с Совета.

Черк уже что-то записывал.

— Сколько живых? — спросил Альберт.

Гном быстро пробежал список.

— Формально?

— Вот это слово теперь лучше каждый раз уточнять.

Черк пересчитал ещё раз.

— Трое числятся живыми.

— А фактически?

На этом мне впервые за вечер стало действительно не по себе.

Ещё вчера главным вопросом было, кто из Совета сумел убить Императорского прокурора, не входя в его кабинет. Теперь вопрос немного изменился: хотелось понять, сколько человек в Императорском Совете вообще имеют право считаться живыми.

Глава 6. Двадцать лет назад

На следующее утро выяснилось, что сорок четыре экипажа оставляют после себя удивительное количество грязи.

Ночью шёл дождь, и колеи размыло, в итоге дорога и газон напоминали после выкопки картошки. Ненавижу копать картошку! Возле крыльца стояли лавки, одна из которых всё же треснула. Пан Жорка увидев меня, который решил прогуляться с утра по саду и подышать, тут же сообщил, что предупреждал.

— Хорошо, что господин Черк подложил снизу кусок балки, иначе конец.

Черк, приехавший из дома и проходивший мимо, поправил:

— Это был образец стойки перекрытия.

— Значит, барон всё-таки победил стойку перекрытия.

Пан Жорка предложил починить, укрепив сидалищную доску дополнительными стойками, я согласился, но дополнительно предложил написать на ней «фон Мерса не сажать». Черк заявил, что это не юридическая формулировка и что нужно прежде всего составить протокол осмотра лавки.

На том и разошлись. Гораздо приятнее обсуждать несущую способность доски, чем живого члена Императорского Совета, который сорок лет назад официально умер, через год вернулся в столицу, а ещё через двадцать подписал решение

об уничтожении рода Аурелис.

В кабинете Альберта к моему приходу уже собрались все. После возвращения отца мы так и не решили, кому теперь принадлежит стол. Формально ему, фактически справа лежали родовые бумаги де Гри, слева мои материалы Особой ревизии, а середину занимал чайник Софии, чем вопрос собственности окончательно закрывался.

Матушка сидела у окна. Бьянка устроилась рядом с Альбертом. Василис раскладывал кадровые выписки из Совета. Сегодня опять приехал на серебряном экипаже, а охрана была дополнительно усилена орками, которых я заметил, прогуливаясь по саду и немало испугавшись. После смерти Генриха прокуратура, видимо, решила, что начальство лучше выпускать в город под присмотром.

Сам Василис выглядел неприлично хорошо для человека, которого недавно проткнули копьём, после чего он умер, воскрес и почти сразу вышел на работу. Только двигался осторожнее, а Бьянка следила за каждым его подъёмом со стула.

Мне это даже нравилось. Просто приятно видеть, как почти неограниченные прокурорские полномочия заканчиваются на одном женском взгляде.

София поставила передо мной кусок пирога и только после того, как я откусил, разрешила заниматься государственными покойниками. По словам Василиса, ночью прокуратура запросила открытые записи по трём живым подписантам

решения Аурелис. Совет отдал всё сразу, без возражений, что уже казалось подозрительным. Впрочем, если бы не отдал, подозрительным показалось бы это. Хорошее расследование вообще быстро превращает человека в параноика.

С фон Присом вчерашняя находка подтвердилась полностью. Сорок лет назад тяжёлая болезнь, официальная смерть, передача имущества сыну, закрытие личных счетов и прекращение родовых прав. Для гражданского реестра Сика фон Прис после этого больше не существовал. Для Совета — вполне.

Более того, Черк поднял выплаты и выяснил, что жалование покойнику начислялось все сорок лет. Деньги шли через внутренний служебный номер, закреплённый за местом в Совете.

— Вот это я понимаю — преданность службе. Умер, имущество детям отдал, а зарплату продолжает получать.

— Личный счёт после смерти закрыли, — уточнил Черк. — Получателем значится фон Прис, но гражданского идентификатора в платёжной записи нет.

То есть Совет платил собственной должности, а существовал ли человек, который потом забирал деньги, его бухгалтерию не особенно интересовало. На Земле отдельный бюджетный контур обычно заканчивался тёщей или другом. В Империи к списку преимуществ добавлялось ещё сорок лет посмертного стажа.

Второй подписант хотя бы официально был жив. Флег-

ман фон Вирт, двенадцатый ранг, руководитель направления приграничных территорий. Пятьдесят восемь лет, нормальная карточка, портрет вполне существующего мужчины с тяжёлым подбородком и хорошим портным.

Потом Черк положил рядом ещё две записи: Флегман фон Вир и Гер фон Виртен.

Первый родился девяносто лет назад, второй — семьдесят четыре. При каждой смене личности чиновник молодел, но его государственная карьера не прерывалась ни на день. Секретарь комиссии, заместитель, председатель отдела, член Совета. Гражданский реестр каждые несколько десятилетий начинал нового человека. Служебный смотрел на это философски и продолжал считать старого.

— Может, менял имя? — спросила София.

Альберт покачал головой. При обычной смене родовой принадлежности записи связывались. Здесь существовали три полноценные биографии с разным возрастом и немного разными родовыми правами. Общими оставались служебный знак и должностная история.

Я положил руку на последнюю карточку. Дар выдал:

«Биографическая непрерывность не соответствует гражданской непрерывности».

— Государство признаёт две биографии и одновременно делает вид, что всю жизнь на работу ходил один человек.

Третий подписант был ещё веселее.

Илар фон Тейс. Пятьдесят один год, тринадцатый ранг,

нормальная запись о рождении. Двадцать лет назад ему был тридцать один, и он совершенно законно подписал решение по Аурелис.

Только Василис нашёл протокол земельной комиссии шестидесятитрёхлетней давности. На нём стояли та же подпись Илара, та же родовая печать и тот же служебный знак. За двенадцать лет до собственного рождения человек уже трудился на благо Империи. Храмовая книга, родовой архив и свидетельство лекаря сходились: родился он действительно пятьдесят один год назад.

— Хороший Совет, — сказал я. — Один умер и продолжил ходить на заседания. Второй менял биографию и при этом молодел. Третий поступил на службу заранее, чтобы после рождения не тратить время на устройство карьеры.

— Остальные подписанты пока выглядят нормально, — сказал Черк.

Бьянка почти не участвовала в проверке. Перед ней лежало решение об уничтожении Аурелис, и теперь она смотрела на подписи людей, которые этот список создали.

— Получается, мы даже не знаем, кто принимал решение.

— Знаем имена, — ответил Альберт. — Пока не знаем, что именно стояло за каждым из них. И это ещё не делает само решение поддельным.

Он не собирался ради дочери превращать Аурелис в безвинных святых. Ещё до собственного ареста Альберт видел часть старых материалов: встречи со свободными дракона-

ми были, оружие было, несколько старших членов рода действительно обсуждали силовое сопротивление Империи. То есть основания расследовать их существовали.

София напомнила о детях, и спорить после этого стало особенно бессмысленно. Бьянка сама когда-то попала в список тех, кого уничтожали за фамилию.

В дверь постучал пан Жорка и сообщил, что приехал человек некий Ордис фон Рейт, четырнадцатый ранг, председатель Совета и глава Коллегии непрерывности.

— Может, из-за лавки, — предположил я. — Совет обеспокоен состоянием мебели в аристократических домах.

Пан Жорка серьёзно ответил:

— Если он будет есть как фон Мерс, пусть лучше постоит.

Ордиса решили принять в кабинете. Фон Рейту на вид было чуть за пятьдесят. Высокий, сухощавый, тёмные волосы только начинали седеть у висков. Простой тёмный камзол и тонкая серебряная цепь Совета. Охрану оставил внизу.

Первым подошёл к Альберту. Выяснилось, что Ордис голосовал против признания его изменником. Оба пожали руки и улыбнулись. Затем председатель поклонился Бьянке и сразу обозначил собственное положение: двадцать лет назад уже состоял в Совете, но в комиссии по Аурелис не участвовал. Основания расследовать часть рода тогда считал серьёзными, а вот в обоснованности всего последующего решения после сегодняшних кадровых находок уже сомневался. С одной стороны, он не пытался за пять минут понравиться де-

вушке, семью которой когда-то уничтожило его ведомство, с другой, говорил вроде честно и это подкупало.

Причина приезда оказалась простой. За одно утро прокуратура и Особая ревизия запросили трёх участников одного старого голосования. Один официально умер, у второго не сходились биографии, третий служил до рождения. Ордис решил не ждать, пока мы сами придём с вопросами, и привёз разрешение на доступ к архивам Коллегии по делу Генриха и Аурелис.

Василис прочитал документ. Доступ был почти полный. Несколько старых фондов закрывались личными актами Августа, и даже председатель Совета не мог открыть их собственным распоряжением. Имя Императора я мысленно поставил на полях. За последние дни там уже собиралась целая колонка.

Я положил перед Ордисом запись о смерти фон Приса.

— Про это вы знали?

— Разумеется. Его смерть никогда не была тайной для Коллегии.

Вот так просто. Мы полночи разбирались, каким образом покойник сорок лет ходит на заседания, а Ордис говорил о нём как о старом кадровом казусе.

Ордис объяснял спокойно, будто речь шла не о человеке, который сорок лет посещает заседания после собственной смерти, а о какой-нибудь старой особенности расчёта земельного налога.

Фон Прис действительно умер, наследники получили имущество, личные счета закрыли, а гражданский реестр поставил в его биографии точку. Только Совет заодно с этой точкой закрывать его полномочия не стал.

— Подождите, — сказал я. — Тогда кто последние сорок лет сидит на его месте? Ведь это я же видел недавно фон Пирса...

Ордис сделал вид, что я спросил его о погоде.

— Вы видели того, за кем Коллегия сохранила право быть Сикой фон Присом в пределах его государственной функции.

Далее председатель очень спокойно и дотошно пояснил, что коллегия появилась в эпоху, когда должности зависели от родовых печатей, магических клятв и закрытых договоров. Если единственный носитель внезапно умирал, государство могло потерять вместе с ним доступ к целому механизму. Поэтому старое право позволяло сохранять то, что считалось необходимым для продолжения службы: полномочия, память, право имени, иногда часть личности.

Поэтому Коллегия научилась сохранять то, без чего служба не могла продолжаться: полномочия, имя, память, доступ к старым печатям. А в некоторых случаях, судя по выражению лица Ордиса, на этом список не заканчивался.

Совет просто не считал смерть достаточной причиной, чтобы вместе с человеком исчезла нужная государству функция.

— И кто тогда сорок лет приходит на заседания? — спросил я.

Ордис немного подумал, подбирая формулировку.

— Человек, имеющий законное право пользоваться именем фон Приса и продолжать его служебную функцию. На сколько он совпадает с тем фон Присом, который когда-то родился, — уже вопрос не гражданского реестра.

— Душу тоже сохраняли? — спросила Бьянка.

Ордис не стал делать вид, что вопрос глупый.

— В старых процедурах бывало и это.

Вот здесь почувствовал неприятное покалывание.

Тело Курта, душа Ивана, имя Курта, его род и должность. Если бы я попал в Империю двести лет назад, меня, скорее всего, не повели бы к лекарю, а поставили на баланс.

Василис передал Ордису копию записи, убившей Генриха. Фон Рейт изучал её дольше остальных документов. Попросил журнал изменений, уточнил место изъятия и только после этого подтвердил: Трик не ошибся. Это действительно производная от Первого реестра, отдельные элементы которого Коллегия использует до сих пор.

Чтобы задним числом прекратить полномочия Императорского прокурора, одного доступа к архиву мало. Нужны зарегистрированное основание и подтверждение носителей соответствующего уровня.

— Тогда мне нужен полный журнал по Генриху и все подтверждения этой операции, — сказал Василис.

— Архив уже готовит. Если запись прошла через наши узлы, к вечеру получите.

Ордис сам открывал нужные двери быстрее, чем мы успевали потребовать ключ. Только одно условие у него всё-таки было: если расследование обнаружит действующую подмену внутри Совета, он хотел узнать об этом до публичного объявления. Причина оказалась вполне земной. Если завтра сообщить столице, что несколько членов Совета могут оказаться не теми людьми, которыми числятся, к обеду ведомства начнут оспаривать спорные распоряжения, губернаторы вспомнят старые конфликты, а к вечеру какой-нибудь аристократ обязательно решит, что возникшая неопределённость даёт ему право на соседское поместье.

— Если найдёте виновного, арестовывайте, — закончил Ордис. — Но постарайтесь не навредить государству.

Для Ордиса конкретный чиновник был смертным. Государство — нет. Человек мог потерять тело, имя или память, но функция должна либо продолжить существовать, либо нормально перейти следующему.

Логика тут была, и именно поэтому мне она не особенно нравилась. Слишком легко однажды решить, что для сохранения функции сам человек уже не очень нужен. Кросс, которого я казнил, примерно с таких удобных решений и начинал.

Бьянка вернула разговор к Аурелис. Ордис подтвердил, что Совету двадцать лет назад докладывали о возможном

участии в заговоре нескольких десятков свободных драконов. Эта оценка была одним из главных оснований для чрезвычайных мер.

Только самого доклада в папке Генриха не оказалось. Здесь Ордис впервые заметно напрягся. Если документ законно передавали или уничтожали, должен остаться след. Он пообещал поднять движение материалов по архиву комиссии безопасности.

— А если доклада вообще не было? — спросила Бьянка.

— Тогда придётся выяснить, кто заставил Совет поверить в несколько десятков драконов. И после этого пересматривать решение.

Мне всё сильнее хотелось найти в Ордисе что-нибудь ненормальное. Я подключил Дар.

«Ордис фон Рейт. Четырнадцатый ранг. Председатель Императорского Совета. Глава Коллегии непрерывности».

Имя действительно, полномочия действительно, родовые права тоже. Потом появилась строка:

«Использование прав личности после прекращения принадлежности личности субъекту».

Я попробовал углубиться. Дар спокойно подтвердил право Ордиса пользоваться собственным именем, рангом и должностью, но на принадлежности самой личности начал путаться.

«Первоначальная принадлежность личности субъекту».

екту прекращена».

Ниже через несколько секунд появилось:

«Текущий субъект права личности: определяется».

И осталось висеть. Такого дерьма раньше не было. Дар мог упираться в древнюю защиту, показывать формулировку столетней давности или выдавать канцелярскую хрень, которую потом приходилось переводить на человеческий. Но обычно он хотя бы понимал, о ком говорит.

С Ордисом не понимал. Я, видимо, смотрел слишком долго.

— На мне что-то написано, господин ревизор?

— Вы проходили процедуру непрерывности?

Фон Рейт помолчал и спокойно ответил:

— Да.

Его личное дело было закрыто внутри Коллегии, сама процедура проходила давно, а на вопрос, умирал ли он, Ордис ответил в своём стиле: всё зависит от того, что именно считать обязательной частью человека. Он пояснил, что старые процедуры могли сохранять разные вещи — тело, память, душу, имя, государственную функцию. Иногда всё сразу, иногда лишь часть.

Бьянка спросила про фон Приса:

— Это всё ещё тот же человек?

— Он помнит свою жизнь, узнаёт близких и считает себя тем же человеком. Доказать абсолютную непрерывность личности я не смогу. Но, если подумать, это довольно трудно

сделать для любого из нас — и зачем-то посмотрел на меня.

Пожалуй, именно мне стоило осторожнее остальных требовать у окружающих справку о стопроцентной идентичности. Перед уходом Ордис оставил разрешение на архивы и обещание к вечеру передать журнал по Генриху. Уже возле двери задержался рядом со мной.

— Если ваш способ проверки покажет что-нибудь странное в моей служебной личности, сначала изучите дело непрерывности. Старые процедуры без контекста выглядят хуже, чем есть.

— Какой ещё способ?

Он чуть улыбнулся.

— Вы долго смотрите на людей перед тем, как задаёте особенно неприятные вопросы.

София проводила его взглядом и сказала, что фон Рейт производит приятное впечатление. Я напомнил, что после последних месяцев приятность вообще стоит исключить из критериев оценки людей.

— Я сказала «приятный», а не «хороший», — ответила матушка.

Альберт знал Ордиса около тридцати лет и теперь, после коротких раздумий, признал, что председатель Совета за это время изменился подозрительно мало. Поседел у висков, немного похудел, но на тридцать лет это явно не тянуло.

До сегодняшнего утра отец просто считал, что фон Рейт хорошо стареет.

Я вернулся к его служебной записи и ещё раз вызвал Дар. Имя Ордиса было законным, должность законной, ранг тоже. Государство совершенно уверенно признавало за человеком, который только что сидел в нашем кабинете, все права Ордиса фон Рейта. Оно спотыкалось только на простом вопросе: кому именно теперь принадлежит эта личность.

После нескольких попыток золотой текст наконец остановился на формулировке:

«Текущий субъект не определяется в рамках действующей гражданской модели».

За одно утро у нас появился советник, который сорок лет получает зарплату после собственной смерти, другой менял биографию и каждый раз становился моложе, третий начал служить до рождения, а председатель Совета вполне законно являлся Ордисом фон Рейтом, хотя государство уже не могло толком определить, кто именно пользуется этой личностью.

И все эти люди десятилетиями голосовали, назначали чиновников, распоряжались армией и решали, кого считать врагом Империи.

Генриха убили, изменив одну запись о его должности. Теперь мне хотелось понять другое: сколько таких записей уже сидит за столом Совета и управляет государством и кто они вообще: люди или рептилоиды?

Глава 7. Мёртвый советник

Первым из подписантов решения по Аурелис мы решили заняться Ремиром фон Штадтом. После вчерашнего утра вообще стало сложно определить, какая именно государственная невозможность страшнее: умерший советник, чиновник с несколькими биографиями или человек, который начал служить ещё до собственного рождения. Ремир просто оказался самым удобным для официального разговора.

Двадцать лет назад он поставил подпись под решением об уничтожении Аурелис. Генрих отдельно велел проверить непрерывность подписантов. А в полученных из Коллегии документах выяснилось, что Ремир сорок один год числится мёртвым, при этом пятьдесят два года занимает одно кресло в Совете и всё это время исправно получает служебное содержание.

Причём последние семнадцать лет получает его неправильно — вот с этого Черк и предложил начать. Утром гном встретил меня в прокуратуре с тремя папками под мышкой и тем особым довольством, которое очень старательно изображал как служебную сосредоточенность.

— После реформы выплат Ремир фон Штадт должен был либо подтвердить действующий гражданский статус, либо зарегистрироваться как непрерывный носитель функции. В общем контуре нет ни того, ни другого, зато жалованье пе-

речислялось регулярно. Я посчитал переплату вместе с надбавками.

— Мы проверяем человека, который подписал уничтожение рода Аурелис, умер сорок один год назад и, возможно, живёт в чужом теле. А тебя больше всего волнуют надбавки.

Черк даже не обиделся.

— Одно другому не мешает. Наоборот, это даёт нам совершенно законное основание потребовать объяснения без обвинения в убийстве Генриха, заговоре или незаконной процедуре непрерывности.

Ну что сказать, гном как всегда оказался прав. На самом деле Ремиру мы шли именно потому, что он подписал решение по Аурелис. Но приходиться к члену Совета одиннадцатого ранга с вопросом «не вы ли случайно сорок лет живёте в чужом теле?» было преждевременно даже по нашим меркам. А запрос о неправильном начислении государственного жалования выглядел скучно, официально и совершенно безобидно.

Василис появился, когда Черк уже показывал мне расчёт. Сумма была такой, что я невольно уважил настойчивость покойного.

— И вы действительно собираетесь предъявить ему это? — спросил воздушник, пролистав требование.

— Конечно. Мы же не можем позволить, чтобы расследование уничтожения Аурелис нанесло ущерб бюджету. Ремир один из тех, кого Генрих проверял перед смертью. Его

подпись стоит под решением по Аурелис, а его собственная гражданская смерть произошла за двадцать один год до голосования. Деньги просто позволяют войти через дверь, а не через окно.

Черк одобрительно кивнул и показал последнюю страницу. Там отдельным пунктом значилось требование представить основания получения надбавок за выслугу после прекращения гражданского состояния.

— Надбавку обязательно было включать? — спросил Василис.

— Она начислялась незаконно. Видишь? Империя может пережить мёртвого члена Совета. Но лишние деньги казны Черк ему не простит.

На этом вопрос решили.

Особняк фон Штадта стоял недалеко от Совета, в старой части столицы. Большой, дорогой, светлый камень, закрытый двор, небольшой сад, две статуи предков возле ворот. Один держал меч, второй книгу, причём лицо у второго было такое, будто читать его заставили по приговору суда.

Мы приехали втроём на серебряной карете воздушника в сопровождении орков, гномов и эльфов. С каждым днём окружение Василиса росло.

К тому же к нам присоединился Фискал — по инициативе Бьянки. Когда утром она узнала, к кому мы едем, то напомнила, что Ремир подписывал решение об уничтожении

Аурелис, после чего попросила Фискала держаться рядом. Я попытался возразить, что дракон на проверке неправильно начисления жалования выглядит несколько избыточно, но Фискал поинтересовался, почему тогда мы берём Черка.

Черк минут пять объяснял разницу между государственным служащим и разумным драконом. Фискал внимательно выслушал, но не проникся. В итоге он полетел следом и при посадке во дворе уничтожил всего один декоративный куст. По его меркам — образцовое соблюдение права собственности.

Ремир принял нас сразу. По гражданской записи ему должно было быть семьдесят восемь. На вид — около сорока, максимум сорока двух. Светлые волосы без седины, крепкая фигура. Ни одного признака человека, которого сорок один год назад официально похоронили в фамильном склепе.

На стене висел портрет Ремира в том образе, в котором хозяин встретил нас. Табличка под рамой сообщала, что написан он сорок восемь лет назад.

Он заметил, куда я смотрю, и усмехнулся.

— Художник был талантлив, но зачем-то добавил мне лет десять.

— Очень предусмотрительно. Портрет спустя почти пятьдесят лет наконец вошёл в соответствие с оригиналом.

Ремир шутку принял, по-доброму улыбнувшись.

— Что сказать, магия. Принимаю Небесные Ванны и мало

ем. Чем меньше ешь, тем меньше стареешь.

В кабинете нас уже ждал чай. Фискал остался в саду, однако его голова периодически появлялась за окном, из-за чего слуга каждый раз начинал держать поднос обеими руками.

Ремир ожидал вопросов по Аурелис. Это стало понятно сразу: на краю стола лежала копия старого решения Совета, а рядом несколько документов комиссии двадцатилетней давности.

Черк положил поверх них требование о переплате. Советник прочитал заголовок, потом первую страницу и только после этого посмотрел на нас.

— Простите, господа. Я правильно понимаю, что Особая ревизия и исполняющий обязанности Императорского прокурора приехали ко мне обсуждать жалованье?

— Именно его, — сказал я. — Вашу подпись под решением по Аурелис мы тоже обсудим, но сначала хотелось бы разобраться с более простой вещью. Государственный реестр считает вас умершим сорок один год. При этом после реформы выплат вам ещё семнадцать лет перечисляли содержание как действующему члену Совета с учетом новых надбавок. Если вы живы, придётся объяснять смерть, наследство и закрытие гражданской записи. Если умерли, Черк хочет знать, на каком основании покойнику начисляли надбавку за выслугу.

Черк назвал сумму. Советник медленно поднял брови. Вот и первое настоящее человеческое чувство. До этого со-

рок один год собственной смерти его не особенно беспокоил. А переплата, которую нужно будет вернуть, заинтересовала.

— Вы серьёзно намерены взыскать это с меня?

— Сначала хотим установить основание выплаты, — сказал Черк.

Ремир отложил документ и неожиданно рассмеялся.

— Генрих тоже начал с формальности.

Василис, до этого почти не вмешивавшийся, сразу спросил.

— Он проверял вашу гражданскую смерть?

— Несколько недель назад запросил старые материалы по моему делу непрерывности, а потом связался лично. Его интересовало, сохраняется ли право голоса члена Совета после прекращения гражданской личности.

Переплата за семнадцать лет вдруг стала совершенно неинтересной даже Черку. Василис спросил, что именно Генрих хотел установить. Ремир ответил уже без шуток: прежнего прокурора интересовало старое решение по Аурелис и законность голосов нескольких членов Совета. Он не называл остальных, но спрашивал, считается ли подпись действительной, если человек пережил гражданскую смерть и продолжил исполнять ту же государственную функцию.

— И вы ответили, что считается? — уточнил я.

— Если перенос функции оформлен по правилам непрерывного носителя — да. Гражданская смерть прекращает обычные права человека, но не обязательно государствен-

ную функцию, если она отдельно сохранена Коллегией.

— Тогда давайте без формулировок Коллегии. Семьдесят восемь лет назад родился человек по имени Ремир фон Штадт. Сорок один год назад он умер. Кто сейчас сидит передо мной? — спросил я.

Ремир не стал изображать непонимание. Видимо, после Генриха вопрос был уже знакомый.

Доктрина непрерывного носителя существовала задолго до современного законодательства. В исключительных случаях, когда высокопоставленный чиновник обладал доступом к магическим контурам, старым договорам, тайным печатям или знаниям, которые невозможно было быстро передать преемнику, Коллегия могла сохранить его служебную личность после смерти тела.

Память, полномочия, право имени и часть магической структуры переносили в другого носителя, после чего государство продолжало считать функцию непрерывной, объяснил Ремир.

— То есть тело у вас не своё.

— Не первоначальное.

— Очень деликатная формулировка.

— Точная.

— А душа?

Здесь он уже не ответил сразу.

— Частично сохранена структура прежнего носителя. Полного переноса души не было.

Черк перестал что-то пометать в расчёте жалованья и открыл новый лист. Если гном забывает про деньги, разговор действительно серьёзный.

— Хорошо. Был человек, которому принадлежало ваше нынешнее тело. Что с ним произошло?

Ремир слегка напрягся.

— Его выбрала Коллегия.

— Я не спрашивал, кто выбрал. Его самого спросили?

— Сорок один год назад процедура регулировалась иначе.

— Это я уже слышал от Ордиса. В переводе на человеческий?

Советник несколько секунд молчал.

— Мне не известны обстоятельства получения согласия.

Вот так значительно понятнее. Государство нашло подходящее тело, пересадило туда кусок памяти, полномочий и личности полезного советника, а вопрос о человеке, которому тело принадлежало до процедуры, почему-то потерялся между ведомствами. Очень по-государственному, особенно если государство существует несколько сотен лет и умеет оформлять всё печатями.

Я положил ладонь на служебную выписку Ремира. Дар отозвался сразу.

«Право использования имени Ремир фон Штадт: действительно».

«Право исполнения государственной функции: действительно».

Потом появились другие строки.

«Текущее тело не принадлежит первоначальному носителю личности Ремир фон Штадт».

И ниже:

«Первоначальное право телесной принадлежности зарегистрировано за иным субъектом».

Ремир не врал. Перед нами действительно сидел Ремир фон Штадт — по крайней мере настолько, насколько государство умело это определять. Но родился в этом теле другой человек.

— Вы знаете его имя? — спросил я.

Советник изменился едва заметно. Чуть напряглась челюсть, исчезло выражение спокойного человека, который объясняет молодым чиновникам древнее право.

— Знаю.

— Тогда назовите.

— Данные первоначального носителя закрыты решением Коллегии. Господин де Гри, я не создавал эту процедуру. Мне предложили сохранить служебную функцию после смерти, и я согласился.

— Ваше согласие мы уже установили. Меня сейчас интересует согласие человека, чьими руками вы сорок один год подписываете решения Совета.

На этот раз Ремир ничего не ответил. За окном послышалось тяжёлое сопение. Фискал приблизил морду к окну и несколько раз втянул воздух. Слуга, только вошедший с но-

вым чайником, остановился у двери.

— Что? — спросил я у Фискала.

Дракон смотрел на Ремира так, как обычно смотрел на магические вещи, которые ему не нравились.

— У него тело и душа не выросли вместе.

Ремир поднялся с кресла, но после замечания Фискала движение выглядело совсем иначе.

Василис тоже поднялся и попросил его пока не покидать кабинет. Основание сформулировал спокойно: в деле появилось подтверждение использования чужого тела, неизвестен статус первоначального владельца, а сам Ремир связан с последними запросами Генриха по Аурелис. До проверки документов Коллегии прокуратура хотела сохранить возможность задать дополнительные вопросы.

— Это уже задержание? — спросил Ремир.

— Пока нет. Но если попытаетесь уйти после официального требования остаться для проверки, может им стать.

Советник посмотрел на Василиса с ненавистью, я успел подумать, что взрослый человек одиннадцатого ранга сейчас сядет обратно и вызовет адвоката. Вместо этого он выбросил руку. Серебряная вспышка ударила в край стола. Стол перевернулся, посуда посыпалась на пол, Черк вместе со стулом отъехал к стене, но папку с финансовым требованием каким-то чудом удержал.

Василис успел поставить воздушную стену до второй вспышки.

— Живым! — крикнул он приставам в коридоре. — Без смертельной силы!

Ремир выбил боковую дверь и удрал в галерею. Случилось то, чего я боялся: мы пришли обсуждать неправильное начисление жалованья человеку, подписавшему уничтожение Аурелис, а через двадцать минут ловим мёртвого советника в чужом теле.

Погоня получилась недолгой. Особняк Ремир знал лучше нас, зато у выходов стояли приставы. Мерзавец спустился по боковой лестнице, вышел в сад и попытался добратсья до дальней калитки, предварительно подняв из земли каменную дугу между собой и Фискалом.

Дракон отступил. Василис, которому лекарь ещё неделю запрещал летать, вылетел из окна второго этажа. Он приземлился перед Ремиром и ударил воздушным потоком в мокрую землю. Грязь и мелкий камень поднялись стеной, заставив советника свернуть прямо к приставам. Через минуту всё закончилось. Ремир понял, что второй попытки ему не дадут, остановился и опустил руки.

Черк подошёл последним. Дышал тяжело, на сапогах грязь, волосы растрепались, но в руке он по-прежнему держал финансовое требование.

— Господин фон Штадт, поставьте отметку о получении. Я посмотрел на него.

— Черк, его только что задержали.

— Мы вручили требование до попытки бегства. Без под-

писи потом возникнет вопрос о начале срока для ответа.

Ремир посмотрел на протянутое Черком требование, потом на самого гнома и всё-таки взял перо.

— Вы ведь не отстанете, пока я не распишусь?

— Иначе потом возникнет спор о дате вручения.

— Меня только что задержали.

— Это никак не влияет на дату вручения.

Ремир неожиданно рассмеялся и поставил подпись. Черк тут же проверил её, спрятал лист в папку и сделал рядом короткую отметку. Приставы повели советника обратно в дом, а я некоторое время смотрел вслед и думал, что государство, возможно, всё-таки бессмертно. В любом катаклизме обязательно найдётся гном, который сначала потребует расписаться, а уже потом разрешит миру рухнуть.

Судебное разрешение на обыск Василис получил меньше чем за час. После попытки бегства и магии в сторону должностных лиц судья не сопротивлялся, а вопрос о происхождении нынешнего тела Ремира только добавил нашему ходатайству убедительности. Генриха туда тоже вписали: погибший прокурор незадолго до смерти запрашивал материалы фон Штадта и интересовался его правом голосовать после официальной смерти. Получалось достаточно, чтобы спокойно разобрать особняк по шкафам и не объяснять каждому слуге подробности про пересаженные души.

Фискал остался во дворе. Отправлять его обратно я не стал: за последние полчаса дракон неожиданно превратил-

ся в лучшего специалиста по непрерывности из всех присутствующих. Черк попытался вписать его в протокол обыска как участника следственного действия, после чего они минут пять спорили, считать ли присутствующим весь дракон или только голову, которая помещается в окно.

Кабинет Ремира выглядел так, как и положено кабинету человека, просидевшего в Совете больше полувека: полки с протоколами, переписка комиссий, карты приграничных земель, финансовые отчёты. Мы перебрали письменный стол, два шкафа и небольшой сейф. В сейфе лежали личные письма, несколько драгоценностей и завещание, составленное уже после официальной смерти хозяина. Последнее я отложил отдельно: любопытно, кому завещает имущество человек, который первый раз всё уже завещал сорок один год назад.

Ничего, связанного с Генрихом, там не оказалось. Я уже начал подозревать, что Ремир всё-таки умнее клиента, который хранит второй комплект бухгалтерии рядом с первым, когда Черк вытащил нижний ящик письменного стола и молча положил его на пол.

— Он короче остальных.

Я заглянул внутрь. Действительно, задняя стенка начиналась сантиметров на десять раньше, хотя снаружи все ящики были одинаковой глубины.

— Старый добрый тайник за фальшивой стенкой.

Приятно иногда встретить преступную технологию, кото-

рую понимаешь без Трика и Первого реестра.

За деревянной панелью обнаружилась тонкая папка без герба, архивного номера и каких-либо отметок о регистрации. Такие папки в последнее время нравились мне всё меньше: нормальные государственные бумаги хотя бы честно сообщают, какое ведомство будет потом отрицать их существование.

Внутри лежали копии документов Коллегии непрерывности. Сначала шли списки действующих носителей и резервных кандидатур, потом несколько таблиц с непонятными коэффициентами магической и телесной совместимости. Напротив отдельных фамилий стояли отметки о памяти, возрасте, состоянии магического контура и ещё нескольких характеристиках. Выглядело так, будто Коллегия закупала породистых жеребцов для государственного конезавода.

Василис прочитал через моё плечо пару строк и поморщился.

— Там медицинские показатели.

— Я вижу. От этого сравнение лучше не становится.

Черк уже добрался до следующего раздела и подозвал нас. Здесь перечислялись высшие государственные должности: несколько мест в Совете, военное командование, судебные посты, главы старых ведомств. Для каждой указывался действующий носитель, а ниже — возможные преемники на случай смерти, утраты магической способности или какого-то другого досрочного прекращения функции. До проку-

ратуры он дошёл быстро.

Императорский прокурор. Действующий носитель: Генрих тор Вальд. Приоритетный преемник: Василис фон Ар.

Василис забрал лист у Черка. Его фамилия сама по себе ничего особенно страшного не означала. После Генриха он действительно был одним из наиболее очевидных кандидатов: высокий ранг, опыт, служба в прокуратуре, нужные полномочия. Если Коллегия заранее составляла резерв на случай внезапной смерти ключевого чиновника, было бы страннее не увидеть Василиса в списке.

Черк тем временем укацао на дату регистрации документа.

— Три месяца назад.

Я сначала даже не понял, почему он сказал это таким голосом. Потом дошло. Три месяца назад Генрих спокойно работал, не собирался уходить в отставку и, насколько мы знали, не страдал ничем опаснее обычной ненависти к собственным подчинённым и накопившимся делам.

— Резерв могли составлять заранее, — сказал Василис. — Для этого он и резерв.

Черк показал пером на верхнюю часть листа.

— Обычный кадровый резерв прокуратуры оформляется другим документом. Здесь указано: «на случай досрочного прекращения действующего субъекта». И это внутренний перечень Коллегии, а не прокуратуры.

Формулировка ещё не доказывала убийство. Для любой должности такого уровня разумно иметь преемника, если действующий носитель внезапно погибнет, заболеет или окажется неспособен продолжать службу. Вполне нормальная предусмотрительность, особенно в государстве, где высокопоставленных чиновников периодически убивают магией.

Потом Черк показал нижнюю отметку. Кандидатуру Василиса повторно подтверждали — уже за два дня до смерти Генриха.

Я взял лист и проверил дату сам. Ошибки не было. За два дня до того, как Генрих воспользовался прокурорской печатью и умер, потому что Первый реестр уже перестал считать его прокурором, кто-то в Коллегии специально вернулся к списку преемников и подтвердил Василиса.

— Ты об этом знал? — спросил я.

Василис поднял на меня глаза.

— Нет. Впервые вижу этот документ.

Ответ прозвучал без обиды. Просто устало. Я ему пове-
рил хотя бы потому, что человек редко так смотрит на собственную фамилию, если заранее знает, где она стоит. Но всё было слишком гладко...

Черк открыл остальные листы и начал проверять, откуда Коллегия могла получить сведения о Василисе. Выяснилось, что два года назад при очередном повышении он проходил полное служебное обследование: магический контур, состояние здоровья, родовые показатели, совместимость с проку-

порской печатью. Материалы хранились в центральном кадровом архиве, и при нужном доступе Коллегия вполне могла получить всё необходимое без его участия.

— Получается, они могли выбрать кандидата, вообще с ним не разговаривая, — сказал я.

— Для резервного перечня согласие не требуется, — ответил Черк. — Но повторное подтверждение за два дня до смерти Генриха надо проверять отдельно. Здесь должен быть номер операции и лицо, которое её санкционировало.

Номер нашёлся внизу мелким шрифтом. Имени не было: только код внутреннего архива Коллегии. Василис записал его себе.

— Через Ордиса раскроем.

— Если запись не закрыта каким-нибудь личным актом Августа, — сказал я.

Император в последние дни всё чаще возникал в документах именно там, где хотелось добраться до следующей страницы. Очень предусмотрительный человек.

Черк аккуратно перенёс найденный лист в доказательственный пакет, а я ещё раз обратил внимание на дату. Генрих в эти дни уже проверял Ремира и остальных подписантов решения по Аурелис. Он задавал вопросы о непрерывности, вытаскивал из архивов старые дела и явно подобрался к чему-то, ради чего оставил нам запечатанный пакет на случай собственной смерти.

В это же время кто-то в Коллегии вернулся к кандидатуре

его возможного преемника. Совпадение?

Мы пришли к Ремиру из-за Аурелис. Его подпись стояла под решением об уничтожении рода, хотя сам он официально умер за двадцать один год до голосования. Хотели разобратся, кто имел право поставить эту подпись и почему Генрих незадолго до смерти интересовался тем же человеком. Вместо ответа в столе Ремира нашлась бумага, связывающая Коллегию уже с последними днями самого Генриха. За три месяца до его смерти там выбрали Василиса приоритетным преемником, а за два дня до гибели проверили и подтвердили этот выбор.

Пока у нас не было доказательств, что Генриха собирались убить ещё тогда. Но впервые появился человек, который явно знал: место прокурора может понадобиться освободить раньше срока.

Глава 8. Право на имя

На следующее утро выяснилось, что поймать мёртвого советника значительно проще, чем объяснить суду, за что именно мы его поймали.

Ремир фон Штадт никого не убил. Магией в Василиса и приставов швырялся, это да, но никого даже не покалечил. Из особняка попытался сбежать, однако хороший адвокат обязательно объяснит, что человек одиннадцатого ранга просто испугался незаконного задержания и решил покинуть собственный дом. Что касается сорока одного года после официальной смерти и чужого тела, здесь всё становилось ещё веселее.

Ночью у Ремира появился защитник. Скажем так, неплохой худой седой адвокат. Я понял, что адвокат хороший, уже по первым пяти минутам предварительного заседания.

Защитник не спорил ни со смертью, ни с переносом, ни даже с тем, что нынешнее тело когда-то принадлежало другому человеку. Наоборот, признал всё сразу, чем неприятно сократил количество вопросов, на которых я собирался ловить Ремира.

— Сторона обвинения, — начал он, — пытается представить дело так, будто мой доверитель присвоил личность умершего Ремира фон Штадта. Это неверно уже по исходной конструкции. Нынешний носитель никогда не утверждал,

что является тем же биологическим субъектом, который родился семьдесят восемь лет назад.

Я сидел рядом с Черком и смотрел на Ремира. Тот выглядел хорошо. Выспался, надел чистый камзол, уложил волосы. Если не знать, что ночь он провёл в тюремном помещении прокуратуры, можно подумать, что приехал на заседание Совета.

— Что тогда он утверждает? — спросил судья.

— Что обладает законным правом продолжать публичную личность Ремира фон Штадта в пределах, определённых сертификатом непрерывности. Имя, государственная функция, служебная память и связанные с ними права были перенесены на нового носителя по действовавшему тогда порядку.

Защитник разложил перед судьёй документы Коллегии.

— Государство не утверждает, что тело моего доверителя родилось семьдесят восемь лет назад. Государство утверждает иное: что государственная личность «Ремир фон Штадт» непрерывно исполняет функцию члена Совета пятьдесят два года. Биологический носитель может измениться, так же как меняется человек, занимающий обычную должность. Отличие только в том, что в данном случае вместе с функцией передаётся часть памяти и право использования публичного имени.

Я наклонился к Черку.

— Сейчас он скажет, что Ремир — это должность.

— Уже говорит.

Защитник действительно примерно к этому и пришёл. По его позиции «Ремир фон Штадт» после процедуры непрерывности состоял из нескольких частей. Был когда-то человек, который родился, вырос, получил одиннадцатый ранг и вошёл в Совет. Потом тело умерло. Гражданское имущество ушло наследникам. Семейные права прекратились. Но государственная часть его личности продолжила существовать, потому что Коллегия перенесла её другому носителю. Следовательно, нынешний Ремир ничего не крал. И ему передали личность и право подписывать решения Совета. И если всё это разрешал старый закон, то какое здесь присвоение?

История хорошая. Только вот если её принять, полностью, получалось плохо уже не для Ремира. Я тоже не родился Куртом де Гри. И это тело не моё, а вот душа моя.

И имущество де Гри я принимал как Курт, новую должность получил как Курт. София называет меня сыном. Бьянка долго считала братом. Вся Империя знает меня как Курта де Гри, и я ни разу публично не вышел на площадь с объявлением: господа, небольшое уточнение, настоящий хозяин лица находится отдельно, а я Иван Сергеевич Винторогов из Москвы.

Можно было начать оправдываться. Я не убивал Курта, не выбирал его тело, не знал, что его душа сохранилась. И всё это правда. Только защитник Ремира сейчас говорил то же самое другими словами. И действительно, его доверитель не выбирал первоначального носителя и получил то, что ему за-

конно передали. При этом Ремир не обязан отвечать за процедуру.

Вот и приехали, Иван Сергеевич.

Защитник закончил и попросил освободить Ремира из-под стражи, вернуть ему право участвовать в заседаниях Совета и признать, что сам факт пользования сертификатом непрерывности не образует нарушения.

Василис сидел с противоположной стороны. Формально он представлял прокуратуру, но из-за связи дела с Аурелис каждое его решение дополнительно проверялось отдельным прокурорским советником. Он сам эту хрень придумал в первый день и теперь терпел.

— Мы не требуем сегодня признать саму процедуру преступной, — сказал Василис. — Но первоначальный носитель тела не установлен. Его согласие не подтверждено. Господин фон Штадт после требования остаться для проверки применил магию и попытался скрыться. Кроме того, в его доме обнаружены документы Коллегии, непосредственно связанные с преемством должности Императорского прокурора незадолго до смерти Генриха.

Защитник сразу вцепился в последнее.

— Мой доверитель обвиняется в смерти Генриха?

— Пока нет.

— Тогда прошу не создавать впечатление, будто такой вывод уже установлен.

Вот за что люблю адвокатов. Сам бы сделал ровно так же.

Судья посмотрел на меня.

— Господин Особый ревизор, ваше ходатайство касается ограничения прав господина фон Штадта в Совете. Обоснуйте отдельно.

Я встал.

— С должностью всё просто. Член Совета может умереть, уйти, заболеть. На его место придёт другой. С памятью сложнее, но допустим. Человек может оставить дневники, обучить преемника, магически передать знания, если тут всё работает через задницу и без магии уже нельзя. Имущество тоже наследуется. Титул в определённых случаях наследуется.

Защитник слушал внимательно.

— Имя тоже может перейти, — продолжил я. — В родах одно и то же имя иногда носит несколько поколений. Никто от этого не становится одним человеком. Проблема начинается в другом месте.

Я открыл копию сертификата Ремира.

— Здесь государство передало новому человеку должность и разрешило пользоваться правами конкретного умершего субъекта так, будто субъект продолжает существовать.

— Так и есть, — сказал защитник. — В этом смысл непрерывности.

— А предыдущего человека кто-нибудь спрашивал?

— Какого именно?

— Владельца тела.

Защитник чуть помолчал.

— Это вопрос к процедуре сорокалетней давности, а не к моему доверителю.

— Я не про ответственность сейчас. Я про право.

Он понял, куда веду.

— Если человек согласился отдать тело, память, часть прав — разбираемся, что именно можно было передать. Если не согласился, государство не может сказать: теперь ты больше не ты, потому что нам нужен полезный советник.

— Господин де Гри, вы смешиваете биологический субъект и публичную личность.

— Нет. Это вы их смешали, когда решили, что публичная личность позволяет пользоваться чужим телом и продолжать права человека, который умер.

Защитник начал было возражать, но я продолжил, пока мысль не потерялась.

— Должность может переходить. Память можно передать, если магия это позволяет. Имущество можно наследовать. Имя можно использовать по закону. Но правовой субъект не наследуется без воли самого субъекта.

Вроде сформулировал и сразу захотелось взять слова обратно, потому что Курт не давал мне согласия быть Куртом. Если завтра настоящий Курт встанет перед судом и спросит, на каком основании я пользуюсь его жизнью, что отвечу? Мне Дьявол разрешил?

Защитник Ремира тем временем нашёл контраргумент.

— Тогда по вашей логике любой наследник, использую-

щий имя рода, должен спрашивать согласие умерших предков.

— Нет. Потому что наследник получает права, предусмотренные законом, а не самого предка.

— Мой доверитель тоже получил предусмотренные законом права.

— Тогда объясните, где заканчиваются права и начинается человек. Если Ремиру передали место в Совете — хорошо, покажите акт назначения нового человека. Если передали архив памяти — показывайте согласие на передачу. Если разрешили пользоваться именем в служебных целях — отдельно разберём. Но нельзя взять всё сразу, добавить чужое тело, стереть имя его владельца и потом заявить, что никто ничего не присваивал, потому что это теперь называется непрерывностью.

Судья попросил документы первоначального носителя тела. И вот тут у защиты возникла проблема — их не было в представленном деле. Вернее, была закрытая ссылка на архив Коллегии, но имя носителя из неё убрали. Защитник попытался объяснить, что сорок один год назад такой документ не требовался для открытой части процедуры.

Черк не выдержал:

— Для открытой не требовался. Для внутренней требовался.

— Откуда знаете? — спросил судья.

Гном поднял папку.

— Архив Коллегии. Процедурное правило того периода. Если тело передавалось другому субъекту, внутренний регистратор обязан был указать основание прекращения прав прежнего владельца: смерть, добровольный отказ, судебное лишение или медицинская невозможность продолжения личности.

— В деле фон Штадта есть?

— Нет.

Защитник попросил время на представление. Но суд не оставил Ремира под полным арестом. Ему разрешили содержание в отдельном охраняемом доме прокуратуры вместо тюремной камеры, потому что одиннадцатый ранг, возраст служебной личности, состояние здоровья и вся прочая аристократическая хрень. Но право голосовать в Совете ему временно заморозили — до тех пор, пока Коллегия не подтвердит законность перехода личности и права первоначального владельца тела.

Кроме того, Василис попросил проверить ещё два сертификата непрерывности, которые мы нашли вчера: по фон Вирту с несколькими биографиями и фон Тейсу, успевшему поработать до собственного рождения. Полностью их права не прекратил, но действие сертификатов в части участия в голосованиях Совета тоже временно остановил. Три голоса Совета заморозили одним предварительным определением.

Черк вышел из зала довольный.

— Теперь Совет без них может не собрать квалифициро-

ванное большинство по двум категориям решений.

— Тебя это радует?

— Я считаю последствия.

— Уши опять довольные.

— У меня обычные уши.

Василис задержался в суде, а мы с Черком поехали обратно в прокуратуру. По дороге я всё думал о своей формулировке. Правовой субъект не наследуется без воли самого субъекта. В Москве я бы даже записал себе и потом повторил в другом заседании как собственную гениальную мысль. Только теперь эта мысль кусала меня за зад. Если тело Курта принадлежит Курту, я могу пользоваться телом потому, что Партнёр мне его дал. Допустим. Но право на личность Курта Партнёр мне дать не мог, ведь это не его собственность. А я последние месяцы как раз этим и занимался.

Ночью я долго не мог заснуть. Формулировка, которую я сам выдал суду, крутилась в голове и никак не хотела оттуда уходить.

Правовой субъект не наследуется без воли самого субъекта.

Я лежал, смотрел в потолок и в который раз пытался объяснить себе, что моей вины в смерти Курта нет. Не помогало. Потому что речь уже была не о смерти.

Потолок исчез без предупреждения. Только мгновение назад я лежал в комнате де Гри, а теперь снова стоял босыми

ногами на холодном чёрном гладком камне.

Зал Партнёра восстановился после Нулевого ранга, но не до конца. Колонны стояли ровно, тёмные портьеры закрывали стены, свечи горели в воздухе неподвижными огнями. Золотой трон уже не выглядел так, будто его били тараном, однако по правому подлокотнику тянулась глубокая чёрная трещина, и внутри неё проходило тусклое красноватое свечение.

Сам Партнёр сидел неподвижно.

— Иван Сергеевич, — произнёс он, когда я подошёл ближе. — За последние недели вы приобрели дурную привычку считать, что любое устройство этого мира существует для того, чтобы вы его расследовали. Пустая корона, Первый регистр, Император, теперь ещё устройство посмертия. Я понимаю профессиональную деформацию адвоката, но даже у любопытства иногда должен быть предел. Особенно когда вы совершенно не понимаете, куда именно лезете.

Я остановился перед ступенями.

— Я ещё ничего не спросил.

— Спросили. Просто пока у себя в голове. Вас интересует Генрих.

— Получили его душу?

Партнёр медленно провёл пальцами по треснувшему подлокотнику.

— Генрих тор Вальд не является предметом нашего соглашения. Он не одна из ста душ, которые вы обязались мне

передать, и не Император. Следовательно, его посмертная судьба не является частью ваших договорных обязанностей. Займитесь тем, что подписали собственной кровью, Иван Сергеевич, и не пытайтесь превратить наш договор в основание для проверки моей деятельности. Я не ваш обвиняемый, не ваш клиент и не чиновник, которого можно вызвать повесткой в Канцелярию.

Голос он не повысил и всё равно мне захотелось отступить.

— Значит, еще не получили повесточку.

Красный свет в его глазах стал ярче, чёрные губы слегка дрогнули.

— Вы сделали неправильный вывод, если решили, что где-то выиграла. Душа прокурора не прошла обычный путь после смерти и не перешла ко мне. Она осталась в пределах Империи, удержанная той самой служебной конструкцией, которую вы сейчас так старательно разбираете по бумажкам. Генрих умер физически, но его должностная связь была оборвана неправильно. Для некоторых старых механизмов этого достаточно, чтобы человек перестал быть живым, но ещё не получил права окончательно стать мёртвым.

У меня по спине прошёл холод.

— То есть его можно найти?

Партнёр чуть наклонился вперёд.

— Вы только что получили ответ на вопрос, который вообще не относился к нашему договору, и уже пытаетесь вы-

тащить следующий. Прекратите путать моё раздражение с готовностью помогать. Я сказал достаточно. Генрих не у меня. Его удерживает Империя. Если хотите разбираться дальше — работайте. Для этого вам и дан ваш проклятый дар.

Я усмехнулся.

— Последнее время вы регулярно теряете покойников. Вен долго был застрявшим в Нулевом ранге, Курт до сих пор шляется хрен знает где, теперь Генрих не дошёл. Для Дьявола, который собирает души, статистика так себе.

Партнёр не улыбнулся и медленно поднялся, возвысившись грозной фигурой надо мной, свечи поднялись выше, и злобная размытая тень накрыла меня.

— Я ничего не теряю, Иван Сергеевич. Вы слишком плохо понимаете разницу между тем, что принадлежит мне, тем, что должно однажды принадлежать мне, и тем, к чему я пока не могу получить доступ. Вен был перехвачен до завершения перехода, однако в итоге оказался там, где должен был оказаться. Генрих никогда не входил в наш договор. Курт тем более. Поэтому прежде чем явить о моих потерях, вспомните собственное положение. Вы живёте в теле, которое вам не принадлежало при рождении, пользуетесь именем другого человека, управляете его родом, обнимаете его мать, предьявляете права на женщин из его жизни и при этом сегодня в суде с очень серьёзным лицом рассказывали, что правовой субъект нельзя унаследовать без его воли. Поразительная чистота принципов. Особенно когда они применяются к

кому-нибудь другому.

Я почувствовал, как по спине потёк пот. Дьявол показал своё лицо. Верне свою морду.

— Я Курта не убивал.

— Я этого и не утверждал.

— Я не вытеснял его душу.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

Партнёр спустился на одну ступень, и расстояние между нами стало неприятно маленьким.

— Это значит ровно то, что значит. Вы знаете результат, но не знаете всей процедуры. Когда я заключал с вами договор, тело Курта было доступно для вселения. Этого было достаточно для исполнения моего обязательства. Вы получили то, что было указано: тело Курта де Гри и возможность действовать в нём. Я не обещал вам его биографию, любовь его семьи, право на его прошлое и тем более собственность на его личность. Всё это вы взяли уже потом, сами. Не надо теперь смотреть на меня так, будто я лично заставлял вас месяцами отвечать на имя Курт.

Мне захотелось ударить его. Странное желание, если учесть, что человек напротив, возможно, вообще не человек, а я уже один раз собственноручно подписал согласие на вечную кочергу в рот в случае провала.

— Вы прекрасно знали, что я ничего не понимаю в этом мире.

— Разумеется. Поэтому и предложил вам договор. Но незнание обстоятельств не превращает сделку в обман. Вы адвокат. Вы читали текст. Более того, торговались со мной по последнему пункту и потребовали уточнить условия возвращения на Землю. То есть способность задавать вопросы у вас имелась. Просто тогда вас интересовало собственное спасение, а не права человека, чьё тело вы собирались получить.

Стало жутко и неприятно. Вообще правда неприятная штука.

— У меня был выбор небольшой — между договором и Адом.

Партнёр посмотрел холодно.

— И вы выбрали договор. Не пытайтесь сейчас превратить страх перед последствиями собственной жизни в отсутствие воли. Вы прекрасно понимали, что подписываете соглашение с существом, которое сами называли Дьяволом. Поставили подпись, потому что хотели жить. Очень человеческое решение. Я его даже уважаю. Но не надо спустя месяцы изображать жертву сделки только потому, что некоторые её последствия оказались сложнее, чем вы рассчитывали.

Я замолчал. Договор был по сути похож на ипотеку — такие же неприятные последствия. Но в ипотеке, понятно, хуже)).

Партнёр вернулся к трону, но не сел.

— Хотите неприятную правду, Иван Сергеевич? Сегодня

вы впервые сформулировали действительно важную вещь. Тело можно передать. Право пользования можно предоставить. Должность можно получить. Даже память, как выяснилось в вашей замечательной Империи, можно переложить из одного черепа в другой. Но личность не является приложением к телу. И если вы решили сделать этот принцип своим оружием против Коллегии непрерывности, будьте готовы однажды услышать его в свой адрес.

В этот момент Дар ударил. Золотая строка возникла прямо перед глазами, так близко, что я машинально отступил.

«Право владения телом не то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.